

ЭКСПАНСИЯ

[ПУТЬ КНЯЗЯ]

БЫТЬ ВОИНОМ

Роман
ЗЛОТНИКОВ

Роман Валерьевич Злотников

БЫТЬ ВОИНОМ

Серия «Путь князя», книга 2

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=163424
Злотников Р. В. Путь князя. Быть Воином: АСТ; М.; 2013
ISBN 978-5-17-077941-3

Аннотация

На задворках Галактики находится заштатная планета Игил Лайм. «Дыра дырой» – скажут о ней несведующие, и, возможно, со своей точки зрения они будут правы. Игил Лайм не входит в перечень популярных для туризма или бизнеса мест, а в единственном на всю планету космопорте приземляются в основном транзитники. И все же есть на Игил Лайме место, весть о котором разносится из уст в уста. Весть о таинственном монастыре. Месте, откуда нет выдачи, что бы ни совершил человек. Месте, которое навсегда меняет единожды попавшего в него. Месте, откуда начинают свой путь те, кто однажды принял решение быть Воином...

Содержание

От автора	4
Часть первая	8
1	8
2	33
3	57
4	81
Конец ознакомительного фрагмента.	98

Роман Злотников

Путь князя. Быть воином

От автора

Идея серии «Путь князя» возникла у меня давно. Она явилась результатом моих размышлений над серией кабинетных исследований по вопросу о религиозном мышлении.

Я, как и многие из числа моего поколения, был воспитан в атеистическом духе. И твердо знал, что религия – подпорка для неразвитого ума. Опиум для народа. Что когда-то давным-давно люди, не особо много знающие о том, как на самом деле устроена природа, что такое молния или откуда случаются ураганы, не в силах объяснить это посчитали все эти явления проявлением некой «божественной силы». А потом над ними утвердились жрецы, которые стали тянуть из них все соки, угрожая гневом божьим и обслуживая интересы господствующих классов, помогая им держать в повиновении малообразованную массу. Все было просто, понятно и предельно логично.

Однако, когда прессинг идеологического атеизма исчез, да и сам я стал несколько умнее, начали появляться вопросы. Например, почему нейрофизиолог Павлов, хирург Войно-Ясенецкий, конструктор самолетов Туполев, знающие о

физиологии, устройстве человеческого тела и аэродинамике вкупе с физикой и механикой много-много больше подавляющего большинства людей того времени при всем этом позволяли себе оставаться людьми, верующими в Бога? Сначала я подумал, что это была этакая фронда. То есть они веровали как бы в пик советской власти, провозгласившей, что Бога нет. Но затем выяснилось, что так или иначе в Бога верили такие ученые, как Эйнштейн, Планк, Леметр, Бор, Гейзенберг, Шпеман, Бузескул и многие-многие другие. Ничего себе «неразвитые умы»! Ничего себе необразованная масса! Им-то зачем фрондировать или цепляться за подпорку? Или вера это все-таки не подпорка, а нечто другое? Что никак не мешает, а, может быть, и помогает человеку расти и развиваться. То есть человек верующий вполне способен не просто и не только верить, но и мыслить. Причем ничуть не хуже, чем самоуверенный и привыкший считать, что никакого Бога нет, и всему голова (уж прошу прощения за невольный каламбур) лишь его абсолютно суверенный и независимый разум атеист? И религиозная картина мира – не удел отсталых и неразвитых, а никак не менее (а может и более) любого другого полноценный взгляд на наше мироздание.

Вот такая версия у меня появилась. После чего я предпринял усилия, для того чтобы подтвердить ее или опровергнуть. И результатом этих усилий как раз и явилось появление идеи серии книг «Путь князя».

Но, как известно, от идеи до ее воплощения – время и вре-

мя. И следующим толчком, результатом которого явилось перерастание идеи в текст книг, оказалось мое знакомство с другой книгой. Под названием «Проект Россия».

Впервые я узнал об этой книге из поста на моем сайте. Спустя несколько месяцев ко мне обратились из издательства с просьбой высказать свое мнение о ней. А потом я познакомился с людьми, имеющими отношение к ее написанию. Не скажу, что принял ее на все сто процентов, и подпишусь под каждым ее словом, но многое, о чем в ней говорится, созвучно моим мыслям. Я вообще стараюсь искать в том, что делают другие люди, скорее то, что меня с ними сближает, чем то, что нас разделяет... А главное, меня порадовало то, что такие книги не только начали появляться в России, но еще и (к удивлению очень многих) оказались столь востребованы, что продаются сотысячными тиражами.

Откуда появилась эта книга – не знаю. До меня доходили три группы версий. Во-первых, что это проект Кремля. Во-вторых, что это проект некой группировки, скорее конкурирующей с господствующими в Кремле. И, в-третьих, что эта книга выросла из некоего документа, хранившегося на Афоне уже несколько сотен лет. И оказалась довольно неожиданной для наших властных группировок.

Какая версия мне кажется предпочтительней – вы уже знаете. Исходя из моей книги «Путь князя. Атака на будущее». Этому есть много косвенных подтверждений. Например, как мне стало известно, «Проект Россия» раздают па-

ломникам на Афоне. Причем не только в русском, но и в нескольких греческих монастырях.

Так эта книга оказалась тем самым толчком, который подвигнул меня перейти от бесплотной идеи к реальному делу. Возможно и не только меня. И я ей за это благодарен. И жду продолжения.

Часть первая

1

Волк быстро проскользнул сквозь тугую завесу теплого воздуха, и почти сразу же за его спиной послышался рев sireны. Толпа, заполнявшая в этот сырой осенний вечер обогреваемые тротуары мультиторгового центра, недоуменно и несколько испуганно вздрогнула, и все заозирались, ища, на кого это так бурно отреагировали охранные запаховые сенсоры. Волк также завертел головой, привычно натянув на лицо маску растерянности, затаенного страха и... жадного предвкушения, как и у остальных. Потому что сейчас сотни висящих в воздухе оптических датчиков, которые были стянуты сюда всполошившимися системами охраны, вглядывались в лица людей, находившихся в радиусе полусотни ярдов от воздушного тамбура при входе в один из моллов центра, в котором как раз и сработали сенсоры, жадно выискивая того, чье лицо, отсканированное датчиками, совпадет с голо слепого лица какого-нибудь разыскиваемого преступника. Или того, кто выдаст себя неестественным поведением. А куда деваться – безопасность требует жертв, и только таким образом оказалось возможным остановить очередную волну терроризма, пятнадцать лет назад накатившую на большинство

цивилизованных миров. Впрочем, противоядия, нейтрализующие все эти многомудрые системы безопасности, которыми были напичканы цивилизованные миры, уже были выработаны, так что за лицо Волк не беспокоился. Ортомаска была качественной... Да и насчет поведения тоже не особенно волновался. Он уже давным-давно привык жить под личиной, а в толпе, заполнявшей тротуары таких центров, всегда найдется один-два человечка, чье сердечко бьется в лихорадке от только что совершенного поступка, который им кажется либо невероятным вызовом собственной смелости, либо тяжким преступлением. А чаще всего и тем, и другим. Хотя единственное, что совершили эти придурки, так это сперли в зале распродаж упаковку с парой джинсов или разломали где-нибудь автомат по продаже напитков... Вот и сейчас, не прошло и пяти секунд, как какой-то долговязый парень, украшенный модной хромовой инкрустацией на щеке и дюжиной колец во всех открытых частях тела, втянул голову в плечи и рванул вниз по эскалатору. Волк проводил его равнодушным взглядом и отвернулся. Не позднее, чем через минуту, парня возьмет полиция. А спустя еще пару минут выяснится, что его генетический код, уловленный запахowymi сенсорами, не имеет никакого отношения к генетическому коду человека, объявленного в межпланетный розыск первой категории. Так что у Волка было целых три минуты на то, чтобы покинуть ставший таким опасным мультиторговый центр. Причем в пресквернейшем настроении.

Ибо то, что на него среагировал запаховый сенсор, означало, что предпоследняя маскирующая запаховая метка, из числа имеющихся у него, приказала долго жить...

Волк родился на Кран Орге, заштатной планетке на самом краю мира. В дружной и любящей семье. Его отец был фермером, специализирующимся на радужных бобах. И доходов с пятисот гектаров плантаций вполне хватало на то, чтобы семье из четырех человек – отцу, матери, Волку и его младшей сестренке – существовать вполне обеспеченно.

Сестренка появилась, когда Волку исполнилось четыре года. Поначалу он даже обиделся, что папа и мама «купили в магазине» еще одного ребенка. Неужто им не хватало его? Ведь он так их любил... Но после того как отец купил ему настоящего пони с красной упряжью, украшенной блестящими никелированными бляшками, и маленьким седлом из легкого и мягкого полиуглерида, да еще и настоящую ковбойскую шляпу и ремень с двумя кобурами, в которых поблескивали почти всамделишные пистолетики, сменил гнев на милость. Тем более что иметь сестренку оказалось весьма забавно. Она была вся такая пухлая, со щечками, которые, кажется, были видны со спины. Лежала в своей колыбельке, пускала пузыри и все время какалась...

В пять лет его впервые взяли на ярмарку в Недис, небольшой городок в полусотне миль от их фермы. Для семейного аэрола десять минут полета. В Недисе находилось правление кооператива, в которое входил его отец и которое как раз во

время ярмарки собралось на какое-то чрезвычайное заседание. Так что отец высадил их на ярмарочной площади, а сам улетел по делам.

Ярмарка Волку тогда очень понравилась. Он покатался на каруселях, покидал мячик в яркую, малиновую корзинку и даже выиграл сахарного зайца, потом погонял на голоимитаторах, изображавших гонку на гоночных болидах в астероидном поясе. У него, конечно, была и своя собственная игровая приставка, но эти имитаторы представляли собой полный аналог кабины настоящего гоночного болида. Даже со шлемом!

Отец появился часа через три. Весьма озабоченный.

– На планете появились представители «Интерстеллар агро». И они скупают землю, – ответил он на встревоженный вопрос матери. А когда она удивленно спросила, в чем же тут проблема, сердито отрезал: – Ты ничего не понимаешь!

Поначалу его опасения вроде как не оправдались. Первым признаком появления на планете гигантской транснациональной корпорации, стало то, что программы тогда еще единственного местного голоканала начали отличаться большей красочностью и разнообразием. И на нем появились такие передачи, которые раньше были доступны только обладателям платной выделенной линии. Следующим стало появление шипучки «Ока-кола» в меню школьной столовой. Часть членов попечительского совета пыталась протестовать, заявляя, что свежавыжатые соки из местных плодов

и ягод гораздо полезнее, а с появлением этой отравы, сопровождающимся массовой рекламой по большинству доступных голоканалов, дети почти совсем перестали их пить, отдавая предпочтение этой ядовитой шипучке, о которой, как это следовало из рекламы, мечтают даже льдинки в стакане и которая с первым же глотком делает жизнь вокруг настоящим праздником. Но представитель «Интерстеллар агро», появившийся в школьном попечительском совете после того, как местное отделение этой корпорации, расщедрившись, закупило новую форму для школьной футбольной команды, а также новый школьный аэрол, непрерывно улыбаясь и доверительно подмигивая, довольно жестко отверг все обвинения, заявив, что соки по-прежнему остаются в меню и убирать их оттуда никто не собирается. А что кому пить – каждый должен решать сам, ибо у них – свободная страна и дети должны уже с детства привыкать делать свободный выбор. Что же касается обвинений в возможном вреде здоровью, то они просто смехотворны, ибо сотни миллиардов людей на сотнях планет пьют «Ока-колу» и не испытывают никаких проблем со здоровьем. Наоборот, заказанные и оплаченные как компанией, так и десятками абсолютно независимых (если бы Волк тогда знал, насколько эфемерно и лживо подобное определение) фондов исследования показали, что эта шипучка полезна для здоровья, поскольку оказывает благотворное влияние на функцию гипофиза и поджелудочной железы, а также хорошо помогает при запорах.

Затем приятель Волка, Жуг, танцевавший в школьном фольклорном ансамбле, однажды появился на экране его голофона крайне возбужденным и с горящими глазами.

– Представляешь, мы едем на фольклорный фестиваль на Бикенпорт! «Интерстеллар агро» выделило грант!!

Так Волк впервые услышал это слово, которое потом стал слышать все чаще и чаще. Гранты талантливым детям на обучение в самых известных и престижных университетах – местный голоканал, перешедший практически под полный контроль «Интерстеллар агро», транслировал на всю планету лица трех смущенно улыбающихся подростков, несколько скованно озирающихся по сторонам в огромном и почти пустом пассажирском зале нового орбитального терминала, за который, как не преминул сообщить диктор, всем им также следовало благодарить благословенную «Интерстеллар агро». Гранты местным художникам. Гранты профессорам местного университета. Гранты на переподготовку и обучение другим профессиям местным фермерам, потерявшим работу...

Между тем отец с каждым месяцем становился все мрачнее и мрачнее. А однажды он приехал из Недиса злой, от него резко пахло перегаром. Бросив аэрол прямо на лужайке перед входом в дом, он засел на кухне с бутылкой, которую привез с собой, и стал грязно ругаться и орать в стену:

– Они предлагают продавать им нерентабельные фермы! Чертовы ублюдки! Да они специально опустили закупочные

цены на радужные бобы, и теперь большая часть наших ферм стала нерентабельной... Сначала у себя все сделайте рентабельным, отродья вшивой собаки! А то тратят дикие деньги на своих планетах, субсидируя тысячи своих крестьян. Сохраняют, видите ли, «традиционный образ жизни своего народа», у-у ублюдки... А нас, значит, можно давить? А мы – никто?

Мать закрыла дверь на кухню и велела им с сестрой подняться в детскую. Но злой голос отца доносился даже сквозь запертые двери.

С того дня отец начал частенько прикладываться к бутылке. И уже не казался Волку, как раньше, сильным и могучим, способным развеять боль обиды и заслонить от любой грозы...

Еще через год отцу пришлось продать ферму. И пойти простым оператором комбайна-многофункционала на огромные, не только поглотившие почти все бывшие фермы, но и прихватившие еще почти столько же гектаров, ранее занятых девственным лесом, плантации «Интерстеллар агро». И, как по заказу, цены на радужные бобы моментально поползли вверх. Вернее, «Интерстеллар агро» провела массированную рекламную кампанию, которая привела к тому, что радужные бобы стали чрезвычайно популярны в большинстве миров. И их Кран Орг оказался эксклюзивным поставщиком продукта с контролируемым происхождением. Отныне название «радужные бобы» у большинства покупа-

телей начало прочно ассоциироваться с названием их планеты. И доходы «Интерстеллар агро» взлетели до немислимых высот...

А еще через полгода отца выгнали с работы. Он стал слишком часто появляться на рабочем месте навеселе. Так что им пришлось перебираться в Недис, который уже ничем не напоминал тот почти пряничный городок, каким он запомнился Волку после первой ярмарки. Недис увеличился в размерах почти в три раза, но новые районы занимали унылые двухэтажные бараки, в которых ютились семьи бывших фермеров. Через два подъезда от них жила, например, семья его школьного товарища Жуга. «Интерстеллар агро» по-прежнему продолжала поддерживать фольклорные школьные ансамбли. Но их школа закрылась из-за отсутствия учеников, в большинстве своем перебравшихся с проданных ферм в город, а новой, которая открылась здесь, в трущобах, было не до фольклорных ансамблей...

Мать нашла работу довольно быстро. Прачкой и уборщицей. А отец все никак не мог устроиться. Он вставал рано утром и уходил искать работу. А поздно вечером возвращался уже навеселе и с бутылкой дешевого пойла, которую приканчивал на кухне. Если мать пыталась что-то ему сказать, то пустая бутылка летела ей в голову. Именно тогда Волк возненавидел отца...

Отец погиб осенью, когда Недис изнемогал от стылых ливней. Похоже, с приходом «Интерстеллар агро» на Кран Ор-

ге изменился даже климат. Ибо раньше столь долгих ливней здесь не бывало. Впрочем, отец говорил об этом еще когда работал оператором комбайна, мол, «Интерстеллар агро» в погоне за прибылью щедро поливает плантации «абсолютно безобидными» и «генетически тестированными» стимуляторами роста, так что урожаи буквально высасывают землю и через десяток лет эти плантации придется бросать и вырубать лес под новые. А на земле, превратившейся в песок, устраивать новое, освещаемое на всех голоканалах шоу под названием «Вау! „Интерстеллар агро“ возрождает леса!»... Никто не видел, как погиб отец. Похоже, его сбил приземляющийся или только набирающий высоту грузовой аэрол. Когда отца принесли домой, от него сильно разило спиртным, так что не исключено, что он мог забрести на участок взлетно-посадочной глиссады, хоть она и обозначена яркой зеброй на асфальте, а в момент взлета или посадки еще и мигающими огнями по периметру. Ну а худую согбенную фигуру отца за пеленой дождя разглядеть было не так-то просто...

Похороны прошли скромно. Все время шел дождь, и сестренка всю дорогу хныкала, что ей холодно, что она голодна и хочет домой...

После смерти отца мать резко сдала. У нее открылись горловые кровотечения, и она начала быстро чахнуть. Волк пытался помогать матери, ходил в центр, теперь заполненный ночными клубами, барами, стриптиз- и пип-шоу и кварталами красных фонарей. А также игорными заведениями всех

мастей. Хозяевам баров и игорных заведений часто требовались мальчишки-зазывалы, ибо конкуренция в этом секторе бизнеса теперь в Недисе была жутчайшая. Но мать все больше и больше угасала, пока, наконец, ровно через год не отправилась вслед за отцом.

После похорон матери в их жилище появились какие-то люди. Они бесцеремонно расхаживали по комнатке, заглядывали в шкафы, перетряхивали вещи. Волк сидел на старом, продавленном диване и зло зыркал на них исподлобья.

– Ты гляди, сущий волчонок... – рассмеялся один из этих людей, заметив его взгляд.

Их с сестрой отправили по разным приютам. Сестру оставили здесь, в Недисе, в образцово-показательном приюте, недавно открытом на деньги «Интерстеллар агро», а его отправили в приют в Игриале, большом городе, расположенном на другом континенте. И в первую же ночь Волку пришлось выдержать кровавую драку со старшими мальчишками, решившими показать вновь прибывшему сосунку его место в местной иерархии. Избили его сильно. Но он до последнего лупил обидчиков своими сухими и закалившимися в трущобах Недиса кулачками. А когда сил драться уже не осталось, вцепился главному обидчику в икру ноги и повис, стиснув зубы...

Возможно, это его и спасло. На вопли пострадавшего прибежал проснувшийся воспитатель.

Спустя две недели, когда синяки и ссадины немного за-

жили, к Волку подошел парень по прозвищу Котел.

— А здорово ты Кабана отделал, — несколько покровительственно произнес он. — До сих пор хромает... И внезапно спросил: — В мою кодлу пойдешь?

Волк уже знал, что в приюте все были разделены на несколько группировок, которые назывались кодлы. Ему было очень тоскливо одному, без мамы, без сестренки, без Жуга. Поэтому он шмыгнул носом и молча кивнул.

— Молоток, — сказал Котел, — держи кардан, — и протянул ему руку...

Через год Волк, несмотря на свой юный возраст, занял место правой руки Котла. А их кодла стала главной в приюте, чему немало способствовало и то, что Кабан, вожак самой многочисленной и сильной кодлы, не мог спокойно выдерживать взгляд пацана, за которым закрепились кликуха Волчонок...

Из приюта Волк сбежал в день выпуска своего друга и покровителя Котла. Они уже давно сговорились с ним, что как только Котла выпихнут за двери приюта, Волчонок ночью взломает дверь кабинета директора, откроет окно на третьем этаже и спустит вниз, на улицу, заранее припасенную веревку. А Котел поднимется по ней и взломает замок сейфа в директорском кабинете. Сейф был довольно хитрым, но Котел божился, что за полдня «на воле» сумеет раздобыть необходимые приспособления и все будет «чики-чики». Так ли это было бы или нет, узнать им так и не удалось, потому что в

тот момент, когда Волк привязывал к стояку веревку, конец которой уже болтался снаружи, дверь директорского кабинета распахнулась и на пороге возник разъяренный директор, из-за спины которого злорадно поблескивали глазенки Кабана...

Жизнь на улицах пришлась Волчонку по душе. Он уже окончательно утвердился в мысли, что все вокруг против тебя и какое-либо значение имеют только члены твоей коды. Как бы она ни называлась. Да и с ними стоит держать ухо востро. А все остальное – всякие там дружба, любовь, милосердие и сострадание, разговорами о которых потчевали их наставники и воспитатели приюта на воскресных проповедях, – ложь и обман, направленные на превращение людей в послушное и управляемое стадо. Но он не стадо. И с ним у них номер не прошел. А стадо – другие, те, кого было так весело раздевать в темных переулках...

Методика была отработана на все сто. Сначала выбиралась жертва. Обычно это был слегка подгулявший одинокий прохожий. Потом Волк, как самый маленький, начинал виться вокруг него и попрошайничать. Обычно его посылали. Сначала добродушно. Но, когда он начинал дразниться, а иногда и швыряться комьями грязи, жертва свирепела и устремлялась в погоню. А дальше все было делом техники – темный переулок, несколько неясных теней, удар обрезком трубы по затылку, и, в лучшем случае, жертва приходила в себя через полчаса без единого гроша в кармане и с отсе-

ченной первой фалангой указательного пальца, на папиллярные линии которого реагировал идентификационный сенсор банкомата. А иногда еще и голым, если его одежда оказывалась впору кому-то из членов коды. Жаль только, что обычно это были не слишком богатые людишки, и их банки устанавливали максимальный суточный лимит снятия средств со счета не более чем в двести кредитов.

А однажды им случилось повстречать другую жертву...

Они как раз вышли на охоту, как вдруг Бык, их главарь, замер и наострил уши. Из-за покосившегося забора, обрамлявшего заброшенный пустырь, донесся взволнованный женский голос... Они прикинули к щелям забора. Судя по всему, у какой-то богатенькой дамочки, прямо над их окраинами полетел привод аэрола. И она, грохнувшись на пустыре, не нашла ничего умнее, как вылезти наружу и уже там начать названивать какому-то своему приятелю, капризно кривя губки и раздраженно втолковывая ему, как ей здесь холодно, страшно и как ему просто необходимо бросить все свои дела и прилететь за ней. Поначалу Волк презрительно скривился. Здесь хорошей добычи не предвиделось. На дамочке было платье, обтягивающее ее будто вторая кожа, а в сумочке, которую она держала в руках, уместились бы разве что тюбик помады и изящный мониторчик голосвязи, который она держала в руке. Кредитки у нее тоже, скорее всего, не было. Подобные люди, как он уже знал, как правило, внесены в базу данных папиллярном и могут пользоваться лишь

своим указательным пальцем и личной цифровой подписью. Так что раз при ней нет наличных – грабить ее делодохлое. Но когда он повернулся и посмотрел на своих приятелей, то осознал, что, как видно, он чего-то не понимает. Бык пялился на дамочку не отрываясь. Челюсть лихорадочно сверкала глазами и облизывал губы, а Котел рефлекторно сглатывал. А затем они все вместе бросились вперед...

Дамочка успела только раз взвизгнуть, как ей тут же зажали рот и, скрутив руки и ноги, поволокли в соседний подвал, в котором они часто ночевали, если задерживались в окрестностях этого пустыря. Причем так быстро, что Волк даже отстал.

Когда он ввалился в подвал, то первым, кого он увидел, был Котел. Причем без штанов. Он стоял, переминаясь с ноги на ногу, и смотрел в угол. Волк перевел взгляд туда и увидел белеющую в темноте голую задницу Быка. Ритмично колыхающуюся. По обеим сторонам его задницы торчали голые женские коленки, а из-под самого Быка слышалось столь же ритмичное, в такт колыханию его задницы, придушенное повизгивание. И тут Бык вдруг замер, а потом затрясся и простонал:

– А-а-а, с-сука...

И тут же раздался голос Челюсти:

– Ну все, слазь, теперь я...

Все трое старших товарищей попользовали дамочку по три раза, а потом Челюсти внезапно пришла в голову, как

ему показалось, забавная мысль.

– Эй, ребя, а чего Волчонок-то?

– Да он – сопляк... – лениво отозвался Бык.

– Какой сопляк, – хмыкнул Челюсть, – ты гля, какой у парня стояк?!

Бык пригляделся и расплылся в ухмылке.

– И точно... Эй, Волчонок, иди сюда! Ща мы тебя научим, как стояк снимать...

Их взяли на следующий день. Всех. В полицейском участке их поместили в камеру с матовым стеклом, заменявшим одну стену. А затем, спустя пять минут, в комнате, где они сидели, появился толстый полицейский и кивнул напарнику, торчавшему в комнате вместе с ними.

– Уводи. Всех опознали.

– И пацана? – удивился тот.

– И этого гаденыша тоже, – кивнул толстый. – Он ее последним...

– Ты гляди, – воскликнул напарник, – молодой да ранний. А впрочем, – полицейский ослабился, – я бы и сам не отказался. Ух, хороша...

– Попридержи язык, Лонг, – оборвал его толстый, а затем, слегка смягчившись, добавил: – Не про нашу честь курочка...

Пока шел суд, Волку исполнилось четырнадцать, так что его отправили на взрослую зону, на планету, расположенную в двадцати парсеках от Кран Орга. В первый же вечер там

произошло то же, что и в сиротском приюте. Правда, на этот раз, прежде чем прибежавшие надзиратели растащили их по камерам, Волк сумел не только откусить кусок ноги, но и выдать одному из нападавших глаз... Так что через неделю, когда его выпустили из тюремного лазарета, к нему подошел такой же, как он, малорослый и вертлявый зек и, небрежно кривя губы, произнес:

– Тебя зовет Док. Познакомиться хочет...

Из зоны Волк вышел через два года. Сказалось его малолетство и первая ходка. Но зато с рекомендацией Дока и наводками на верных людей. Так что уже спустя две недели, большую часть которых он провел на койке в каюте четвертого класса (настоящая скотовозка) рейсового пассажирского корабля, уносившего его еще дальше от Кран Орга, он стоял на пороге комнатенки и рассматривал продавленную кровать, стол, стул, старый и побитый кухонный автомат в углу и терминал с едва светящимся экраном. Волк не замечал убогости обстановки – это было первое *его собственное* настоящее жилище! Волк осторожно вошел в комнату и присел на кровать. Похоже, жизнь поворачивалась к нему лицом...

В своей новой кодле Волк попал под опеку старого типа по прозвищу Дырокол, который, как выяснилось, не зря получил такую кличку. Старина Дырокол когда-то был знаменитым наемным убийцей. И работал в одиночку. Но однажды решил, что это дело слишком рискованное, а возраст уже не тот, и пошел под крыло сениору Джакопо. О чем до сих пор

не пожалел. Он так и сказал Волку.

Дырокол научил его многому, тому, чему Волк никогда бы не научился в своей прошлой жизни, например, думать.

– Господь не зря дал нам разум, – наставительно говорил он своему молодому товарищу. – Дикие звери все умеют делать лучше людей. Мелкие – прятаться. Травоядные – убегать. А хищники – убивать, ибо обладают гораздо большей силой, ловкостью и более мощными когтями и клыками, чем человек. Но Господь одарил человека разумом. Поэтому-то человек властвует над всеми животными. И если ты научишься пользоваться этим великим даром, то сумеешь всегда переиграть любого.

Тем не менее Дырокол обучил его пользоваться разнообразными устройствами, предназначенными для убийства. От старой доброй гарроты до дальнобойного станкового плазмомета. У сениора Джакопо было поместье в горах. Почти полторы тысячи гектаров. И в этом поместье, в старых выработках, было оборудовано очень хорошее стрельбище.

– Никогда не торопись, – учил его Дырокол. – Если ты воспользовался своим разумом и хорошо все рассчитал, у тебя будет достаточно времени и на то, чтобы выйти на позицию, и на то, чтобы сделать свой выстрел, и на то, чтобы уйти отсюда прежде, чем появятся копы. Ну или кто-то еще, кого ты не хочешь видеть. Вся эта беготня, прыжки, погони, которые показывают по головидео, – сплошное дилетантство. Ты должен прийти, сделать свое дело и спокойно уйти. Никем не

увиденный. А если тебя заметили – считай, дело кончено...

Спустя три месяца Волку поручили первое задание. Жертвой был мелкий драгдилер, имевший глупость пристраститься к тому, чем торговал, и потому изрядно задолжавший новой кодле Волка. И сениор Джакопо принял решение, что его следует наказать. Причем так, чтобы напомнить всем остальным, что нарушать правила, установленные сениором Джакопо, крайне опасно для жизни.

Волк подстерег жертву в подворотне, неподалеку от его жилища. Драгер как раз спешил домой после очередного рабочего дня, чтобы вколоть себе дозу, припрятанную в носке. Он проскочил мимо Волка, даже не заметив его, а в следующее мгновение проволока гарроты стиснула его шею.

На завтра Волк был представлен самому сениору Джакопо. И получил из его рук первый гонорар. Так и пошло...

Через два года Волк купил квартиру с двумя спальнями. Аэрол у него уже был. Причем не такой, как у его отца – грузопассажирский, а обычный, легковой. Сениор Джакопо напрягал его работой не слишком часто. Ибо Волк теперь считался лучшим. Но зато это всегда была очень деликатная работа. Так, например, устранив конкурента, он помог одному из *друзей семьи*, занять место окружного судьи. Иначе он помог другому получить место в сенате – аккуратно ранил его в голень на одном из митингов, на котором тот громогласно выступал против мафии. Сениор Джакопо тогда лично поблагодарил его за отличную работу.

Однажды Волка вызвали к сениору Джакопо поздно ночью, буквально сняв с шикарной шлюхи...

– Я прервал твой отдых, мальчик, – улыбнулся сениор Джакопо, когда Волк вошел в его кабинет. – Прости меня. Но дело, о котором я хочу поговорить с тобой, не терпит отлагательства.

– Я всегда готов служить вам, сениор Джакопо, – вежливо ответил Волк.

– Вот и хорошо, – отозвался сениор Джакопо, – а теперь познакомься. Это – уважаемый господин Джереми. И он попросил меня помочь ему в одном крайне деликатном деле...

Утром Волк вылетел на Теребину. У господина Джереми там возникла проблема, для решения которой требовался человек со стороны. Решить ее надо было показательно, чтобы ни у кого из других господ не возникло желания создавать господину Джереми новые проблемы. А все свои были у местной полиции на заметке. И существовала опасность, что копы не только доберутся до заказчика, но и вообще смогут предотвратить акцию...

На месте Волк целую неделю изучал подходы к проблеме господина Джереми, свято следуя заветам Дырокола. А затем затребовал станковый рельсовик. На «проблему» господина Джереми он, в отличие от всех предыдущих случаев, потратил два выстрела. Первый, в котором использовалась подрывная головка, снес крышку с пятитонного бака с газом, которым, по-старомодному, отапливался загородный

особняк «проблемы» господина Джереми, а второй, зажигательный, поджег разлившийся газолин. И одиннадцать человек сгорело заживо – «проблема» господина Джереми, его жена, три дочери, сын, которому еще не исполнилось и годика, няня сына, родители «проблемы» господина Джереми и двое человек прислуги...

Еще через три года Волк переехал в роскошные апартаменты в престижном районе. В его гараже уже насчитывалось три аэрола самых лучших марок. Ну а в банке у него имелся кругленький счет. А еще он стал членом гольф-клуба и завел себе лошадь. И теперь с легкой усмешкой вспоминал про свои детские мечты когда-нибудь вернуться на Кран Орг и выкупить их ферму.

Все рухнуло внезапно. Началось с того, что сениор Джакопо вновь отдал его, как он это с усмешкой называл, «в аренду» одному из друзей. Задание вновь оказалось на Тербине. Узнав подробности поручения, Волк даже несколько удивился, настолько оно было обыденным. Ему уже давно не поручали ничего подобного. Для выполнения такой работы можно было бы прибегнуть к услугам менее дорогостоящего специалиста. Волк почувствовал подвох... школа Дырокола оказалась гораздо лучше, чем он считал ранее. Две недели он «изучал подходы», измотав приставленных к нему «представителей заказчика» сотнями противоречивых требований, а затем подготовил и провел операцию за полтора часа...

В отель он не вернулся. Его там ждали. А поехал пря-

мо к другу сениора Джакопо. За полтора часа тесного общения, стоившего «другу» обеих ушей и трех пальцев на ногах, Волк выяснил, что все это задание было подставой. Жестокое устранение «проблемы» господина Джереми произвело обратный эффект. Полиция и секретные службы Теребины принялись носом землю рыть, разыскивая исполнителей и заказчиков. И «бизнес» людей, которым так мешал устраненный, оказался под еще большей угрозой, чем ранее. Поэтому спустя два с половиной года «деловые люди» Теребины заключили сделку с полицией: они предоставят полиции возможность выйти на исполнителя того жестокого убийства, а взамен те хоть немного снизят давление на их «бизнес». Господин Джереми к тому моменту был вынужден окончательно отойти от дела и даже покинуть Теребину поэтому к сениору Джакопо отправился другой человек...

Но самым страшным открытием оказалось то, что сениор Джакопо сознательно отправлял Волка на верную смерть. Посланцу не удалось обмануть проницательность старого мафиози. И тот... согласился с доводами его старых друзей, потребовав, однако, компенсировать ему потери от недополученных с этого «крайне перспективного молодого человека» доходов. Что обошлось деловым людям Теребины в очень круглую сумму.

На Теребине Волк провел более двух лет, завербовавшись на джутовые плантации. В мрачном худом парне, носившем веревочные сандалии на босу ногу и грубые джутовые шта-

ны и рубашу, сейчас никто бы не признал того лощеного молодого человека, которого одаривали улыбками девушки из самых высших слоев общества, когда он по средам и субботам выезжал свою лошадь...

Через два года страсти утихли, ибо все заинтересованные стороны (а Волка теперь искали не только полиция и спецслужбы, но и партнеры его заказчика) решили, что он каким-то образом проскользнул сквозь выставленные заслоны и покинул планету. И Волк сумел воспользоваться кое-чем, что припрятал про запас еще тогда, когда готовил эту свою последнюю операцию, и покинуть Терebinу...

К сениору Джакопо он пришел через полгода, когда, как учил его Дырокол, подготовил себе надежный маршрут ухода. Чтобы нельзя было проследить движение средств по банковским счетам, часть своих денег Волк заранее перевел в золото и камни и укрыл в подготовленном тайнике. Сениор Джакопо его не ждал и очень удивился его появлению. И даже сумел изобразить неподдельную радость, пока Волк не воткнул ему в мочевого пузырь заточенную отвертку. Надавив на рукоятку, Волк не испытал никаких эмоций. Горечь, разочарование... все это из той же серии, что и любовь или сострадание. Суть – обман. Оставлять в живых своего бывшего благодетеля он не собирался. Потому что сениор Джакопо был по-своему честным человеком – получив один раз деньги за проданного Волка, непременно сподобился бы исполнить взятые на себя обязательства. Конечно, не сразу, но

через год, два или десять лет... А Волк не собирался жить под дамокловым мечом.

Теперь Волка искали все. И полиция, и «деловые люди». Ибо спустить убийство уже двух лидеров кланов означало бы для них потерять лицо. И подвергнуть опасности свои собственные жизни. Одно дело, когда боссы гибнут в мафиозных войнах, это вполне допустимо – война есть война, а другое – если на жизнь столь могущественных и авторитетных людей вдруг начнут покушаться одиночки... Волк менял отели, города, планеты, нигде не задерживаясь подолгу. Трижды его чуть не настигли. Один раз федеральное бюро, которое им теперь занималось, и дважды люди мафии. Деньги таяли... На Корнкросте Волк сколотил банду и совершил успешный налет на местный банк. Его людей повязали через два дня, но сам он уже покинул Корнкрост, причем не на престижном круизном лайнере компании «Элит круиз», корешок от билета на который полиция обнаружила в мусорном ведре оставленного им номера, а на грязном грузовом лихтере, куда он завербовался за полдня до налета, а затем отпросился «собрать вещи». Но еще через год и эти деньги подошли к концу. А погоня все приближалась и приближалась...

И вот наконец у него осталась последняя запаховая метка. И никаких шансов приобрести новую. Причем дело было не в деньгах. Деньги бы он нашел... Просто вот уже полгода он опасался появляться на технологически развитых ми-

рах. По его прикидкам, плотность сети, которую раскинули его преследователи, оказалась столь велика, что на любом из технологических миров он не продержался бы и пары дней. А в таком захолустье, как то, где он сейчас находился, купить надежную запаховую метку не было никакой возможности. Оставался один-единственный выход... ну если, конечно, Волк не собирался задрать лапы и пойти на заклание. Даже если бы он сдался полиции, это бы по большому счету ничего не изменило. Федеральное бюро выжало бы его как лимон, а затем отправило бы в обычную тюрьму. А уж там дотянуться до него мафии не составило бы никакого труда...

Добравшись до своей берлоги, Волк стянул с себя респектабельный костюм мелкого менеджера и, достав из чемодана небольшой футляр, извлек из него миниатюрный шприц и маленькую капсулу. Проколов иглой мягкую оболочку капсулы, он набрал ее содержимое в шприц и, перетянув левую руку выше локтя, осторожно ввел иглу в вену. Конечно, существовали и иные, менее болезненные способы ввести запаховую метку в кровь, но все они сейчас были для него недоступны. Выждав с полминуты, пока порошок, представляющий собой миллионы нанороботов, полностью растворится в крови, он осторожно надавил на кнопку, сдвигающую поршень шприца в обратную сторону. И последняя запаховая метка медленно перетекла в кровь Волка...

Теперь у него оставалось около двух месяцев на то, чтобы добраться до планеты, на которой находилось единственное

оставшееся его убежище. Волк вынул шприц из вены, распустил жгут, собрал и затолкал использованный материал в футляр и выбросил его в уничтожитель. А затем раскатал рукав рубашки и подсел к сетевому терминалу.

– Слушаю вас, – послышался из динамика мелодичный женский голос. Оpozнав, что обратившийся пользователь мужчина, сеть мгновенно выудила из своего банка данных составленный по многочисленным исследованиям наиболее отвечающий эстетическим запросам данного типа мужчин женский образ.

– Я бы хотел заказать билет на перелет.

– Прекрасно. Какова конечная цель вашего путешествия?

– Игил Лайм.

– Отличный выбор! Игил Лайм известен своими...

Волк автоматически отвечал на вопросы программы, а сам напряженно размышлял над тем, что ждет его в конце путешествия. Дырокол накрепко вбил ему в голову необходимость сначала напрягать мозги, а лишь затем руки и ноги. Вот и сейчас Волк, как всегда, заранее начал готовить пути отхода. Даже, не зная куда...

Эсмерина пробралась сквозь толпу к стойке регистрации и усталым голосом назвала имя и регистрационный номер.

Холеная девица за стойкой, на самом деле являвшаяся обычной голографией, блеснула ослепительной улыбкой и проворковала:

– Рады видеть вас, уважаемая мисс Эсмерина Лиэль. Мы благодарим вас за то, что вы воспользовались услугами нашей...

Эсмерина недовольно фыркнула. Ну конечно, для пассажиров четвертого класса они даже не удосужились поменять голографию с женской на мужскую. Хотя дело-то плевое... Она со злостью пнула свой чемодан, у которого, похоже, опять что-то глюкнуло в мозгах, потому что он выехал из-за спины и стукнулся о стойку, и, даже не дослушав до конца голограмму, сгребла со стойки распечатку со своим номером и начала проталкиваться обратно. У стоек регистрации пассажиров четвертого класса всегда былолюдно...

Эсмерина Лиэль, получившая при рождении неблагозвучное имя Лигда Тараш, появилась на свет в семье менеджера средней руки. Внешне вполне благополучной. Отец семейства работал в крупной компании по продажам комплексного сетевого оборудования для дома и офиса. А мать велала образ жизни светской леди средней руки, чему не слиш-

ком мешали две дочери и... изрядно помогал карликовый шпиц, добавлявший к извечным темам, обсуждаемым в ежедневно собирающемся кружке таких же «карликовых светских львиц», как едко называл их отец, еще одну. А основными темами были мода, косметология, здоровье, воспитание детей, новости из жизни разнообразных звезд, подробности и всяческие перипетии личной жизни которых обсуждали все глянцевого СМИ, а также скандалы как в мире звезд, так и на соседней улице... особенно на соседней улице. Ну и после появления шпица все то же самое, но применительно к собакам – мода, тримминг и стрижка, выставки, вязки и так далее...

Когда Лигда немного подросла и перестала требовать кормления из соски, мать решила, что в достаточной мере исполнила свой долг перед собственным ребенком. И с того момента ее участие в жизни Лигды свелось фактически к двум фразам: «Лигда, ты мне мешаешь. Немедленно пойдешь в свою комнату и займешься уроками» или «Лигда, милочка, у мамы так болит голова – пойдешь на кухню и сделай мне лимонад.»

Естественно, через некоторое время Лигда навсегда возненавидела и уроки, и лимонад.

К одиннадцати годам жизнь Лигды превратилась в жуткую тягомотину. Война с сестрой протекала с переменным успехом и... с абсолютным отсутствием надежд на окончательную победу хотя бы одной из сторон. Школу Лигда посе-

щала только под жестким прессингом матери – ведь не может «девочка из хорошей семьи» не посещать школу! В остальном же она была матери совершенно не интересна. Тем более что научилась игнорировать просьбы насчет лимонада. Так что фраза насчет лимонада из лексикона матери окончательно исчезла. Зато появилась другая: «Маленькая дрянь, как ты смеешь так разговаривать с матерью?!» Отец был страшно занят на работе, приходил поздно и всегда уставшим. А собаки у нее не было... Так что единственным занятием девочки стало подбирать внизу в гостиной оставшиеся после материных посиделок (заходить в гостиную во время которых теперь ей было категорически запрещено) распечатки сетевых глянцевого журналов и, утащив наверх, в свою комнату, часами их разглядывать. Они были окном в другой мир – блестящий и манящий, в котором люди носили шикарные платья за миллион кредитов, пили шампанское за двенадцать тысяч кредитов бутылка, развлекались на умопомрачительных вечеринках и отдыхали в роскошных отелях... Мать, вернувшись с выгула своего шпица и не найдя распечаток, частенько врывалась в ее комнату, словно злобная фурия. И наорав, забирала все себе. А Лигда залезала на кровать, укрывалась с головой и тихонько плакала от обиды...

В четырнадцать ее впервые выгнали из класса за то, что она нахамила учителю. А чего он влез со своими дурацкими молекулами как раз в самый интересный момент – когда она с Крарой и Иглид увлеченно обсуждали новое платье Мелис-

сии Нил, стоившее, по сообщениям репортеров, почти полтора миллиона кредитов. Крапа закатывала от восторга глаза, а Иглид морщила носик и, вглядываясь в распечатку, все бубнила, что не видит, где здесь эти самые полтора миллиона кредитов. Понимала бы чего, дура... Там одних бриллиантов по подолу было на полмиллиона. Да и сшил его сам Грайрг Иммээль, самый дорогой кутюрье мира... Мать тогда орала на нее, как базарная торговка, да еще и отходила своими завивочными щипцами. Лигда потом два дня не появлялась в школе, отлеживаясь в постели с толстым слоем кожного регенерационного крема на лице...

Через год Лигда уже посещала школу не чаще раза в неделю, все остальное время предпочитая проводить с подружками в закусочной сети «Текста наггетс», которая являлась центром молодежной жизни их захолустья. Здесь они литрами глотали «Ока-колу» и постоянно жевали картофель фри с наггетс-бургамми. Такая свобода досталась ей нелегко. Весь год она вела с матерью отчаянные позиционные бои, в которых, к ее удивлению, на ее стороне выступила вечная противница – сестра. Мать орала, яростно бросалась в рукопашную, пыталась даже подключить тяжелую артиллерию – отца, для чего перед его приходом занимала позицию на диване в гостиной с мокрым полотенцем на голове и затем нарочито слабым голосом требовала, чтобы он «занялся наконец детьми, а то у меня больше нет никаких сил...» Но все было напрасно. Лигда отвоевала себе право появляться в школе

когда вздумается и приходиться домой не раньше полуночи. Хотя в устном договоре, заключенном высокими договаривающими сторонами, этот пункт выглядел как «не позже полуночи». Ну а распечатки глянцевого журнала теперь распределялись по принципу: «кто первый встал – того и тапки». Впрочем, к пятнадцати годам Лигда уже сама делала себе распечатки. На том же классном принтере. И не только общедоступного глянца, но еще и вариантов «для взрослых». Хотя на школьном принтере, как и положено, стоял возрастной ограничитель, но, как его обходить, было придумано мальчишками еще лет шесть назад, и потому никто никаких затруднений не испытывал.

Так что когда она лишалась девственности с парнем из школьной футбольной команды, на заднем сиденье аэрола, принадлежавшего его родителям, то никаких особых тайн в происходящем для нее не было. Поэтому единственным результатом данного происшествия стало то, что к темам, которые они с подружками обсуждали в закусочной, прибавилась еще одна: у кого какой пенис и кто как им умеет пользоваться...

Подобный образ жизни привел к тому, что к выпуску ее подружки растолстели настолько, что стали напоминать афишные голотумбы. Сама Лигда этого избежала, но не оттого, что как-то ограничивала себя в еде, а просто благодаря каким-то таинственным особенностям своего организма. Наверное, это досталась ей от матери, которая, ела в три гор-

ла и все равно оставалась худой как щепка. Впрочем, подругам она часто говорила, что «села на диету», и даже, обсуждала с ними преимущества одних перед другими, ибо, по ее убеждению, диеты были неотъемлемой частью образа жизни настоящей леди. Ну не даром же глянцево-сетевое время от времени информировало широкую общественность, что очередная звезда села на очередную диету... Поэтому, когда избирали королеву выпускного бала, у Лигды, среди всего этого парада могучих телес, вываливающихся из трещащих по швам вечерних платьев, как тесто из квашни, просто не было конкуренток...

Поступить в престижный колледж с ее уровнем знаний у Лигды никаких шансов не было, поэтому на семейном совете решили, что она отправится в местный университет, где поступит на какой-нибудь факультет. Наиболее дешевый. Это был, наверное, самый главный критерий, поскольку никакой пользы от образования ни Лигда, ни родители не видели, но ведь невозможно же, чтобы «девочка из приличной семьи» не училась в колледже. А поддержание имиджа «приличной семьи» и себя любимой как «настоящей леди» составляло самую суть жизни ее матери, каковой задаче она отдавалась с истовостью и самоотверженностью, достойными лучшего применения...

В университете Лигде понравилось. Самым дешевым оказался факультет биологии, на котором, поскольку никаких биологических, фармацевтических или, на худой конец, эти-

мологических фирм и исследовательских центров публицистики не наблюдалось, был хронический недобор. Но содержать его университетский совет был вынужден, дабы не потерять статус университета. Так что факультет оказался скопищем великовозрастных балбесов, подавляющее большинство которых составляли крашенные блондинки, брюнетки и рыженькие (девушек подобного типа почему-то всегда не удовлетворяет собственный, естественный цвет волос), предпочитающие в одежде разные варианты стиля «секси», а в манере поведения – беспорядочный промискуитет. Поэтому кампус биологического факультета на местном жаргоне носил неофициальное, но точное наименование «пи...дохранилище».

Лигда, в коллекции которой к выпускному вечеру, кроме почти полного состава школьной футбольной команды, имелись еще и экзотические для «девушки из хорошей семьи» водопроводчик, маляр и водитель-дальнобойщик, просто идеально вписалась в эту атмосферу. Некоторое неудобство ее новой жизни составляло лишь скудное родительское содержание (а она-то, дура наивная, считала, что тысяча кредитов в месяц – сумасшедшие деньги). Но и с этим Лигда разобралась довольно быстро, когда ее новая подруга и соседка по комнате «по секрету» сообщила ей, что парни с технологического и с сетевого факультетов приглашают девушек с биологического на свои вечеринки совершенно бесплатно. От последних требовалось лишь одно – про-

следовать с парнем, который ее «подцепил», в «секси-рум» и, опрокинувшись на спину, послушно раскинуть ножки. Ну или что там придет в голову парню... Класс!

Скандал разразился в каникулы. Мать, едва дождавшись дочь из университета, произвела молниеносную атаку и, сломив слабое сопротивление последней, заткнула ее в «приличный костюм» и потащила за собой «наносить визиты». И там попала под перекрестный огонь своих товарок, оказывается, гораздо лучше осведомленных о том, что такое на самом деле биологический факультет местного университета... Мать краснела, бледнела, принужденно смеялась, а ее «соратницы» лицемерно вздыхали и закатывали глаза, обсуждая, как, наверное, тяжело приходится «приличной девочке» в этом вертепе и средоточии греха...

Дома разразился ужасный скандал. Мать орала, что требует немедленного перевода на любой другой факультет. А когда Лигда наотрез отказалась (ибо право на «халяву», по университетской традиции, имели лишь студентки биологического), выдернула с работы отца и потребовала от него принять «волевое мужское решение» и сделать, как она желает. Отец, всегда бывший мямлей и подкаблучником, начал что-то бормотать, но тут Лигда взбеленилась и сказала, что раз так, то она вообще бросает университет и уезжает в Каров Божнек, столицу планеты. С матерью тут же случилась истерика, но Лигду такими штучками уже было не пронять, так что она развернулась и ушла в свою комнату, как следует

приложив дверью о косяк.

Уже гораздо позже, когда внизу, в гостиной, утихли наконец по-бабьи визгливый голос матери и растерянные оправдания отца, она лежала в кровати и, уставившись в потолок, размышляла над тем вариантом, который озвучила сгоряча. Сейчас, когда она начала задумываться над своей дальнейшей жизнью, перспективы рисовались нерадостные. Ну что ждало ее в этом захолустном университете? Даже если она отстоит свое право остаться на биологическом, то максимум, что она сможет взять от жизни, – это еще четыре года веселья на студенческих вечеринках. А потом? С ее образованием единственная работа по специальности, на которую ее возьмут, – это школьный учитель биологии. При ее-то «любви» к школе! Идиотизм! Идти в офис и перекладывать бумажки, регулярно задирая юбку перед шефом? Бр-р-р, тоска. Выскочить замуж и повторить жизнь своей матери? Да вобла живет веселее! Тем более что весь этот круг «заклятых подруг» хлебом не корми, а дай уколоть, посадить в лужу или раскрутить на скандалчик ближайшую подругу. С матерью вон как все подстроили... дождались ее и лишь затем принялись «сочувствовать»... у-у змеюки. И ведь мать все понимает, но завтра побежит к ним же и будет все так же вздыхать, подносить к глазам уголок платочка и покорно сносить прозрачные намеки подруг, которые еще не один день будут, совершенно не стесняясь ее присутствия, смаковать между собой, «в какую беду попала бедная девочка Тарашей», а за

спиной с наслаждением обсуждать «эту шлюшку Тараш». А мать будет все это терпеть, ожидая только одного, пока какая-нибудь из подруг не оступится, и тогда можно будем смаковать уже ее «падение», причем с теми, кто сегодня с таким удовольствием топтался на ее собственных чувствах...

А в Карове Божнеке перед Лигдой открывались перспективы попасть в тот самый волшебный и чарующий мир глянцевого журналов, платьев за миллион, шампанского за двенадцать тысяч и всего остального... Конечно, в этот мир придется пробиваться, не щадя себя и работая локтями. А иногда, даже идя по головам. Но и тут, пожалуй, следовало сказать матери спасибо, Лигда уже не питала никаких иллюзий относительно людей. И была готова на все, лишь бы пробиться. А первый семестр биофака дал ей ясное понимание того, что может стать ее основным оружием. Ибо всего лишь за пять месяцев она сумела завоевать славу одной из самых перспективных новеньких шлюх университета...

Так что на следующий день после новой, заранее подготовленной по всем правилам военного искусства атаки матери, Лигда послушно согласилась, что ей не стоит продолжать обучение на этом «непристойном» факультете. Мать, чей основной «боезапас» еще даже не был затронут, пришла в полную оторопь от столь молниеносной, но совершенно неожиданной победы. Она растерянно покосилась на отца и сестру, кои должны были поддерживать ее аргументы и своим присутствием, и тщательно выверенными ею репликами, ко-

торые она собиралась извлекать из их туповатых мозгов в уже спланированные ею моменты разговора (хотя они еще об этом, скорее всего, не догадывались), а затем как-то даже робко произнесла:

– И... на какой же факультет ты собираешься поступать?

Но Лигда недаром была дочерью своей матери. Она тоже заранее спланировала всю операцию и нанесла внезапный, продуманный и потому просто сокрушительный удар.

– Я не собираюсь возвращаться в это захолустье. Я буду поступать в Национальный университет в Карове Божнеке...

Это была... ядерная боеголовка. Лигда заметила огонек восторга в глазах сестры, и даже на одутловатом лице отца выразилось нечто вроде одобрения. А мать на несколько секунд оказалась вообще выбитой из колеи и лишь оторопело разевала рот, не в силах издать ни единого звука. Конечно, она ни на секунду не поверила дочери. Не с такими знаниями пытаться пробиться в одно из престижнейших учебных заведений планеты. Но затем шестеренки ее мозгов, раз и навсегда заточенных под одну-единственную задачу, со скрежетом провернулись, и перед ней открылась перспектива минимизации потерь от той ситуации, в которую она попала с этим чертовым биологическим факультетом. Мать быстро прикинула все выгоды и потери и пришла к выводу, что лицемерие дочери *сейчас* ей только на руку. Ибо дает возможность не только хоть как-то восстановить утраченное реноме, но и нанести мощный фланговый удар той части ее

круга, которая будет наиболее злорадно смаковать ее падение... Поэтому, спустя минуту, на лице матери появилась слащавая улыбка, и она приторно-взволнованно заворковала о том, как будет беспокоиться о своей «бедной девочке», которая уедет так далеко от дома, где никто не сможет оказывать ей обычную помощь и поддержку. И где это мы их видели до сих пор?

Столица рухнула на Лигду как водопад. Девушка честно зарегистрировалась как абитуриентка, но, с треском провалив первый же экзамен, со спокойной совестью выкинула Национальный университет из головы. Он свою задачу выполнил – доставил ее в Каров Божнек и... дал возможность, скромненько взмахивая ресницами, отвечать на вопрос, как она сюда попала, фразой:

– Приехала поступать в Национальный университет...

Спустя неделю Лигда устроилась подавальщицей в закусочной «Тексти Наггетс», расположенной на углу проспекта Карела Гронжика и Пятой авеню. То есть в одном из самых фешенебельных районов столицы.

Новое место работы, с одной стороны, почти ничем не напоминало ставшую почти родной закусочную, в которой она тусовалась с подружками у себя дома. Здешняя закусочная была гораздо больше, стильней и фешенебельней, чем у них в городке. А с другой – повторяла ее с пугающей точностью. Ибо подавляющее большинство посетителей составляли точно такие же девочки с пустыми глазами и тупым вы-

ражением неимоверной скуки на постоянно жующей физиономии, какими были и они. И что с того, что *эти* были лучше одеты, а их пирсинг отличался большей изощренностью? Суть от этого не менялась...

Следующие несколько месяцев Лигда успешно продвигалась вверх среди местных шлюх. Сначала подсадила на крючок своей, развитой на биофаке секс-изощренности старшего смены, затем директора закуской, а уж потом попала в постель к мальчику, прикатившему за парой наггетс-бургеров на роскошном «Ирдис-орше». Она просто вывернулась наизнанку, невинно хлопая наращенными ресницами и шаловливо подбрасывая попойкой подол короткой форменной юбочки (которую укоротила еще на пару сантиметров). Выруливая на взлетную глиссаду, парень, свесившись по пояс из окна, жадно разыскивал ее глазами. А когда Лигда, выждав нужное время за дверью, наконец выскочила из душевой кухни, обрадованно заорал:

– Девушка, а что вы делаете сегодня вечером?

– Сегодня, – кокетливо взмахнула она ресницами, – ничего. А что?

– Я хочу пригласить вас на одну классную вечеринку! В «Бигель-холле»!

От этого названия ее сердце едва не выпрыгнуло из груди. «Биггель-холл»... Там веселятся только самые сливки общества. Но, боже... у нее же нет ничего для «Биггель-холла»! Все, что она может надеть, подходит разве что для «Шанеж-

ки», ну максимум для «Оперенного змея» (рейтинг модных ресторанов и клубов она выучила первым делом)...

По-видимому, эти мысли явственно отразились на ее смазливом личике, потому что парень усмехнулся и несколько покровительственно произнес:

– Не беспокойтесь. Это будет демократичная вечеринка. Ирви Холчек отмечает свое возвращение из габа.

На вечеринке она оторвалась по полной. Это было то, ради чего она и приехала в столицу. Вот это... жизнь! Настоящая!! А не то жалкое прозябание, на которое она была бы обречена в своем захолустье...

И понеслось. От своего первого бой-френда она ушла уже через полтора месяца. Баг оказался ужасным занудой. Да и в постели он был не слишком рьяным. А еще он оказался изрядным трусом. Во всяком случае, своего богатенького папашку боялся как огня. И когда тот появлялся на экране домашнего голо, все время выгонял Лигду в ванную комнату. Да и, как ей шепнули новые знакомые, он был известен в среде тех, кто относился к сливкам общества как «любитель дешевых шлюх». Вот и на нее он потратил всего лишь тысяч пять кредитов... ну, конечно, не считая того, что она спала в его квартире, тогда показавшейся ей невероятно шикарной, и питалась за его счет. Так что продолжение отношений не слишком хорошо влияло на ее реноме. И потому, едва подвернулась возможность, она сделала Багу ручкой, переехав к тому самому Ирви Холчеку который положил на нее глаз

еще во время своей вечеринки.

Ирви оказался птицей другого полета. В первую же неделю он купил ей тряпок на двадцать тысяч кредитов, а на так кстати подоспевший день рождения подарил изящный и стильный двухместный аэрол. И Лигда решила, что надо лечь плашмя, но попытаться стать его постоянной подругой. И принялась деятельно воплощать в жизнь свое решение...

А еще Ирви ввел ее в компанию, где тусовались такие знаменитости, как Эрминен Травка, знаменитый актер и не менее знаменитый плейбой, скандалы из жизни которого не сходили с первых полос глянцевого журналов, а также Красавчик Глуб – известный спортсмен и предмет грез всей женской половины планеты. Раньше Лигда видела их только на украденных у матери распечатках, а сегодня Травка (вот оно, счастье!) шаловливо хлопнул ее по заднице и, слащаво осклабясь, сказал:

– А ничего мордашка... ты тут с кем?

У Лигды появились и новые подружки. Сесиль представлялась всем как модель и актриса. Как потом нашептали Лигде (которая к тому моменту уже взяла себе благозвучный псевдоним Эсмерина Лиэль) их общие знакомые, она действительно когда-то снималась. Но в фильмах категории «Z-Z», причем «в массовке». Лигда (вернее Эсмерина) сразу даже и не поняла, почему при этих словах ее новые подружки презрительно кривят губы. Но потом выяснилось, что термином «массовка» в подобных фильмах обозначают эпизоды, когда

с десятков мужиков, сменяя друг друга, имеют даму во все имеющиеся на ее теле отверстия. А Миерсмиэль «позиционировала себя» (это новое выражение Эсмерине чрезвычайно понравилось) как финансовый консультант. Как выяснилось, под этим имелось в виду, что она консультировала своего очередного бой-френда на предмет того, что и как он будет ей покупать...

Жизнь Эсмерины превратилась в один сплошной праздник. Вечеринки сменялись чопорными пати, которые непременно заканчивались безудержными оргиями. А в редкие промежутки между оными она сидела с новыми подругами на балконе фешенебельного «Империял адмирал» и, прихлебывая жутко дорогой тонне-буэль, обсуждала новые коллекции одежды и аксессуаров от Грайрга Иммээля или драгоценностей от дома «Шоннэ»...

Время от времени поднимая бокал, она произносила тост, которому ее научили подруги:

– Давайте выпьем за то, чтобы мы имели то, что имеют те, кто имеет нас!

От Ирви она ушла к Легоэлю Гржыжеку. Тот не был сыном богатого папаша, он сам являлся таковым богатым папашкой. Он был старше ее почти на сорок лет. Эта связь принесла ей не только тряпки и аэрол, но и уютную квартирку на Пятой авеню... а также благосклонную весточку от матери. Поскольку Эсмерина пару раз попадалась в объективы папарацци во время какой-нибудь очередной вечеринки, ее фото

появилось на заднем плане разворота одного из глянцев, где ее и углядела какая-то матьина подруга.

Мать в крайне выверенных выражениях, в которых было в меру лести, одобрения, деликатного напоминания о дочернем долге и намеков на слабое здоровье отца, интересовалась, не собирается ли дочь выбрать время и посетить родные пенаты. Но Эсмерина уже поняла, что ее нынешняя жизнь – это постоянный забег с напряжением всех сил и способностей. Ибо стоит хотя бы на мгновение сойти с дорожки, как твое место тут же займет другая, с более свежим лицом, молодой кожей и...

с не меньшей жадой пробиться в этот мир блеска и роскоши. Ей и так приходилось прилагать невероятные усилия, чтобы сохранять к себе интерес «папика». И это требовало столь чудовищного напряжения, что Эсмерина начала снимать его сначала все большей дозой алкоголя, а затем найдя еще более эффективный способ... И традиционный тост таких, как она:

«Давайте выпьем за то, чтобы мы имели то, что имеют те, кто имеет нас!» – приобрел для нее совершенно иной смысл...

Все рухнуло в момент, когда однажды вечером «папик» нагрянул к ней на квартиру, предварительно не позвонив. Она как раз только что приняла дозу и валялась на измятой постели в халате и шлепанцах, ловя кайф. Звук дверного монитора ее плавающее в розовых облаках счастья созна-

ние попросту проигнорировало, так что когда перед ее носом возникла разъяренная физиономия «папика», она приняла это за мерзкие глюки.

«Папик» устроил ей дикий скандал, а затем ледяным тоном сообщил, что более не нуждается в услугах финансового консультанта (она стала так представляться с легкой руки Миеэрсмиель) Эсмерины Лиэль. Сначала она даже не осознала, что это катастрофа. Ибо у нее была наготове парочка «запасных аэродромов» из числа новых нуворишей, только-только накопивших свои миллионы и теперь жаждавших войти в яркий мир сливок общества. А как известно, лучше всего это сделать именно с помощью такой вот «шикарной ляди» из высшего общества, знающей всех и вся, и вхожей во все двери. Но она недооценила подруг... Сначала они показались ей всего лишь копией окружения ее мамы. Но теперь до нее дошло, что здесь, на самом верху, все гораздо жестче и циничней. Сесиль практически мгновенно заняла ее место в постели Легоэля Гржыжека, а Миеэрсмиель позаботилась о том, чтобы все в их тусовке узнали, что Эсмерина «села на иглу»... Нет, наркотики здесь не были табу. Они являлись неотъемлемой частью жизни великосветской тусовки, и на тех, кто не пользовался какой-нибудь новомодной «дурью» или не избрал себе свою собственную любимую и единственную, смотрели косо. Но между теми, кто входил в эту гламурную элиту, так сказать, по праву, получив в ней место либо благодаря собственным успехам, либо благодаря

деньгам и влиянию родителей, и теми, кто подвизался в ней, как Эсмерина, пролежала жесткая грань. Первые могли «садиться на иглу», попадать в лечебницы, месяцами лечиться от алкоголя и... вновь возвращаться в тусовку. Вторых при малейшей слабине мгновенно «закатывали в асфальт». А чего стесняться-то, свежее «мясо» всегда на подходе. Так сказать, естественный круговорот «мяса» в природе...

Сначала она не верила, что для нее все кончилось. Продолжала упорно появляться на пати, куда ее еще пропускали по старой памяти, дарить улыбки, шаловливо играть ресницами и бедрами. Иногда ее даже снимали... но не больше чем на вечерок. Ибо те, кого она раньше считала подругами, бдительно следили – с кем, когда и куда она ушла. И на следующий день ее новый любовник тихо исчезал.

Через неделю, когда она прилетела на своем аэроле на Клайн Баэл, шикарный искусственный остров развлечений, на котором должно было состояться очередное пати, охранник на стоянке, вместо того чтобы привычно забрать у нее ключи и отогнать ее «птичку» на парковочное место, внезапно покачал головой и проямлил:

– Прошу простить, мэм, но это закрытая вечеринка. Вход только по приглашениям.

Эсмерина едва сдержалась, чтобы не наорать на него. Черт возьми, *все* вечеринки и пати, в которых она участвовала, были закрытыми, но у *нее* никто и никогда не требовал никаких приглашений... Ну конечно же, охранник никогда бы

не рискнул потребовать приглашение, если бы не получил прямого указания. Так что она натянуто улыбнулась, кивнула знакомой, выбирающейся из своего аэрола, и, соврав, что ей только что позвонили из домового офиса и сообщили, что ее квартиру залили соседи сверху, забралась обратно в свой аэрол. Знакомая проводила аэрол Эсмерины кривой усмешкой и заспешила на вечеринку, наполненную музыкой, светом и негой, дабы поделиться очередной новостью по поводу этой вышедшей в тираж шлюхи Эсмерины. В историю с затопленной квартирой она не поверила ни на секунду...

Деньги, которые Эсмерина успела отложить, закончились довольно быстро. Она никогда не отличалась бережливостью. Вот и сейчас, окончательно поняв, что ее вышибли из обоймы, она продолжала появляться на балконе «Империял адмирала» и накачиваться спиртным. В одиночку. Бывшие подруги, зачастую занимавшие соседние столики, ее демонстративно не замечали. Что, впрочем, совершенно не мешало им бросать на нее время от времени злорадные и презрительные взгляды.

Спустя полгода пришлось продать и квартиру. Идти на скромную должность менеджера в фирму средней руки после всего того блестящего общества, к которому она принадлежала еще так недавно, ей было просто невыносимо. К менеджерам в ее прежней тусовке относились свысока, называя их современными сервами или «офисным планктоном». И упасть на такое «дно» представлялось ей выше ее сил. Так

что она продолжала беспутно растрачивать все еще остававшиеся у нее возможности сколь-нибудь прилично устроиться. Единственным утешением была «дурь», на которую она накинулась с удвоенной силой, не замечая, что все больше превращается из энергичной, полной жизни молодой женщины, готовой локтями и зубами прокладывать себе дорогу, в никому не нужную, убогую развалину.

Наконец кончились и деньги, которые она выручила за свою квартиру. И Эсмерине пришлось съехать из приличных меблированных комнат в убогую ночлежку на самой окраине. Сюда никогда не залетал ни один аэрол из числа тех, в марках которых она научилась довольно прилично разбираться, а единственный публичный экран, освещавший убогие улицы, сверкал над обшарпанной закуской «Тексти Наггетс», основными посетителями которой были мусорщики, убогие местные проститутки и дальнобойщики. В кабине одного из таких она однажды и проснулась... Жизнь сделала круг и вернула ее к началу.

Содержательницей ночлежки оказалась Мамаша Байль. Как выяснилось, ее жизненная история была в чем-то схожей с жизнью Эсмерины. Только она не забралась столь высоко и нашла в себе силы не упасть так низко. Однажды, когда Эсмерина лежала на кровати под очередной дозой «дурь», Мамаша Байль открыла дверь своим ключом, окинула ее раздраженным взглядом и, набрав в убогой ванной целое ведро воды, окатила ею Эсмерину. А когда та, ошарашенная

вскочила, сурово произнесла:

– Вот что, потаскуха, клиентов водить – это пожалуйста, но чтобы «дури» у меня в номерах не было. Мне неприятности с полицией не нужны!

К ее удивлению, именно столь впечатляющая выволочка подействовала на Эсмерину. Они даже немного сблизились с суровой хозяйкой. Стылыми зимними вечерами Эсмерина сидела в ее комнате, единственной жарко натопленной во всей ночлежке, и рассказывала про свою жизнь. Мамаша Байль слушала ее большей частью молча, лишь иногда вставляя едкие комментарии. А по поводу сетований Эсмерины на предательство тех, кого она считала подругами, сурово отрезала:

– Какие там подруги... Там, милая моя, только скорпионши выживают. – А потом скривила лицо в злобной усмешке и сказала:– Да не переживай ты так! Все они рано или поздно здесь окажутся. Жизнь так устроена, что если у тебя ни профессии, ни детей, ни какого иного женского *дела*, кроме как «слабого передка», нет, а ты изо всех сил к сладкой жизни рвешься – тебе прямая дорога сюда. На дно! Так что скоро ты всех своих подруг-предательниц здесь обнаружишь. Помяни мое слово... – тут она мечтательно закатила глаза. – А ведь я тоже мечтала вернуться и показать «им всем». И даже вроде как способ нашла...

– Какой?

– Монастырь один... Про Государя и Светлых князей слы-

шала?

Эсмерина удивленно округлила глаза.

– Не слышала? Ну ты и темень, – хмыкнула Мамаша Байль. – Небось ничего, кроме «Принсити» и «Гламур элит», в жизни не читала.

– И вовсе нет, – обиделась Эсмерина. – Читала. «Космо»... и еще «Эспесиаль»...

– Один черт, – скривилась в ухмылке Мамаша Байль. – Так вот, есть такие люди, которые могут тебе молодость и красоту враз вернуть. Причем по-настоящему, а не регенерацией кожи или пересадкой выращенных органов. Все, что у тебя раньше было, и в лучшем виде. Причем бесплатно...

Эсмерина насторожилась.

– Вообще-то, – продолжала Мамаша Байль, – при удаче их можно встретить хоть на соседней улице, но тут еще узнать надо... А на Игил Лайме у них монастырь.

– Мужской?

– Да кто его разберет? – почесала затылок Мамаша Байль. – Вроде как баб тоже берут...

– И... что?

– Так вот там много их сидит безвылазно. Эсмерина затаила дыхание.

– И... любой можно прийти и вот так...

– Если бы, – хмыкнула Мамаша. – Все далеко не так просто... Сами они вроде тебя как не лечат, а лишь *учат*, как сделать так, чтобы все получилось. Но *попытаться* может

любой...

Следующие полтора месяца Эсмерина ходила под впечатлением от этого разговора. И даже начала потихоньку откладывать деньги на билет. А потом решила выкинуть из головы эту блажь. Все это сказки. Потому что если бы это было правдой, то реклама монастыря уж точно появилась бы на веб-страницах «Космо» и «Гламур элит». Это ж золотое дно! Она уже слишком большая девочка, чтобы верить во все это... А потом, выбираясь из кабины очередного дальнбойщика, она увидела под фонарем знакомую и такую ненавистную физиономию Сесиль... которую узнала с большим трудом. Уж больно страшненько и, прямо скажем, убого та выглядела. Эсмерина и узнала-то ее лишь по обычному тренчку любимого серебристого оттенка и волосам цвета махагон. Но когда она подошла поближе, то даже содрогнулась. В стоявшей под фонарем убогой старухе от прежней Сесиль почти ничего не было. Неужели и она сама выглядит так же?!

Сесиль ее не заметила, поскольку как раз в этот момент воодушевленно торговалась с жирным дальнбойщиком, высунувшимся из открытого окна своего трейлера. И Эсмерина торопливо отвернулась и ушла.

На следующий день она поехала в космопорт и купила себе билет на Игил Лайм...

– Вот, вот и вот... причем это повторяется уже не первый раз!

Менеджер по сервисному персоналу, возглавлявшийкую шеренгу, кроме него состоявшую еще из старшего стюарда, коридорного и испуганной горничной, сложился в угодливом поклоне и забормотал:

– Конечно-конечно! Все будет немедленно исправлено!! От имени компании «Санлайт декстормикс» я приношу вам самые глубочайшие извинения, и в качестве компенсации за доставленные неудобства позвольте предложить вам бесплатное пользование вашим персональным каютным баром на все время путешествия.

Пэрис еще раз недовольно скривил губы, но предложенная компенсация уже развернула ход его мыслей в ином направлении, так что он лишь вяло махнул и буркнул:

– Ладно, но только чтобы это было в последний раз.

– Можете не сомневаться.

Менеджер вновь согнулся в глубоком поклоне, который на этот раз был нужен еще и для того, чтобы скрыть презрительную усмешку. За двадцать лет работы он изучил всю эту сволочную публику, как облупленных. И ведь не то чтобы плата за каютный бар так уж разорила этого папенькиного сына. Просто у него мозги были устроены так, что в них

имелось всего лишь две извилины. Одна из них заключала в себе мысль, что он априори выше всего этого человеческого стада, суматошно копошащегося где-то у него под ногами. А вторая – что ему все всё должны. Просто так. По жизни. А от этих двух извилин отходили два маленьких отросточка, даже не смеющих претендовать на звание извилин. Один из них именовался «секс», а второй – «кайф». Любой – от банальной выпивки до «дури». Так что, для того чтобы управлять любым из подобных зомби, упакованных в шмотки от Игра Руаяля или Пантенной с механическими часами ручной работы стоимостью в его годовую зарплату (а он получал немало, уж можете поверить...) на руке, менеджеру достаточно было дернуть любой из этих отросточков. Ну так, слегка... И зомби послушно разворачивались в нужную сторону. Как сейчас. Правда, обычно они появлялись на борту целой компанией, обремененной, как правило, еще и достаточным количеством шлюх, не менее чем по две на, хм, нос... А этот отчего-то летел один. Да еще и каким-то странным маршрутом, заканчивающимся на заштатной планетке, под названием Игил Лайм, на которой не было абсолютно ничего, что является привлекательным для такого сорта людей. Да там даже шестизвездочных отелей не было!..

Когда за персоналом, поспешно покинувшим роскошный двухкомнатный съют, расположенный на девятой, самой фешенебельной палубе шикарного круизного лайнера компании «Санлайт декстормикс», с легким шипением закрылась

сверкающая лаком переборка, отделанная настоящим деревом. Пэрис оторвал горлышко от воспаленных губ и бросил взгляд на бутылку. Ее содержимое уменьшилось на треть. «Стикс негро» был дорогушим крепким ликером и, как правило, использовался как основа для изысканных коктейлей. Но он оказался первой бутылкой достаточной крепости, которая попалась Пэрису под руку, и потому пошел в дело как банальный бурбон...

Пэрис Сочак IV принадлежал к одному из самых богатых и знаменитых аристократических семейств Соединенных государств. Об этом не особенно говорилось вслух, поскольку Соединенные государства позиционировали себя в Галактике как демократическая держава и общество равных возможностей, но все, кто хоть немного разбирался в столь тонком и деликатном деле, как *власть*, знали, что *на самом деле* правят всегда очень немногие. Те, за кем стоят деньги, владения и... вековые традиции. И не так уж важно, имеет ли правящий *род* официальный титул, либо в этом месте и в это время официальное титулование считается неприличным. Этот набор для тех, кто властвует, остается неизменным. Во всяком случае, для большей их части. Хотя, естественно, кооптация талантливых выходцев из низов вполне возможна, а наиболее умными кланами даже поощряется. Но Пэрис принадлежал к наследникам по прямой линии. И потому с самого детства имел все то, что положено иметь ребенку из аристократической семьи – собственные апартаменты, штат

прислуги и... абсолютное равнодушие родителей.

Участие матери в жизни мальчика ограничилось тем, что она произвела его на свет. Выкармливала его кормилица, затем плавно перешедшая в разряд няни. Когда Пэрису исполнилось пять лет, ему наняли гувернантку. Это была молодая девица с весьма интересными формами, которые соблазнительно распирали строгие костюмы, предписанные ей для ношения. Впрочем, в пять лет Пэриса еще не очень волновали подобные картины. Он просто тихо ненавидел ее за то, что она мучила его уроками, а также тем, что запрещала есть конфеты, которые открыто лежали в корзинке на столике в малой гостиной, но они почему-то все время исчезали из этой корзинки. И мать выговаривала ему за это, когда няня приводила его к ней, чтобы он поцеловал ее перед сном.

Однажды, когда занятий не было, потому что в усадьбу приехал портной снимать мерку для сезонного обновления одежды, Пэрис, с которого уже сняли мерку (сначала портной обслуживал отца, затем Пэриса, а к матери приезжал другой, которого почему-то называли смешным словом *кутиорье*), вбежал в малую гостиную и застал там свою гувернантку, торопливо запикивающую в рот конфету. А рядом с корзинкой валялось пять смятых конфетных фантиков.

Мать в этот день была в отъезде, наносила визиты, а отец отчего-то оказался дома. Возможно, он специально так спланировал день из-за портного, что, впрочем, вовсе не освободило его от работы. Пэрис ворвался к нему в кабинет с кри-

ком:

– Это она! Это она! Она ест конфеты!!!

Отец раздраженно оторвал взгляд от голомонитора, над которым возбужденно скакало несколько диаграмм, и... на мгновение замер, увидев мчавшуюся вслед за Пэрисом, но, в отличие от него, остановившуюся в дверях гувернантку. Он окинул взглядом ее раскрасневшееся личико, крайне соблазнительную фигурку, взволнованно вздымавшуюся грудь и... улыбнулся.

– Хорошо, но... давай не будем выдавать маме мисс...

– Мисс Лисия, – скромно потупив глазки, проворковала гувернантка.

– Мисс Лисию, – повторил отец и, потрепав сына по волосам, подмигнул ему. Пусть это будет только наш, чисто мужской секрет.

Ради их с отцом чисто мужского секрета Пэрис был готов на многое. Он и так видел отца не слишком часто. Тот все время пропадал то на работе, то на «важных для бизнеса» встречах, то в поездках. А по выходным они с матерью либо были на приемах, либо наносили визиты, либо летали «в оперу» или «на премьеры». Что это такое, Пэрис пока не знал, но они ему заранее не нравились.

– Да-а, – уже сдаваясь, пробормотал он, – а меня все время за конфеты ругают.

– Не беспокойся, – все так же улыбаясь, пообещал отец, – я об этом позабочусь.

Как много позже понял Пэрис, эта улыбка предназначалась отнюдь не ему. Но тогда он воспринял ее иначе и растаял.

– Хорошо, папа.

– Вот и молодец... Мисс Лисия, возьмите мальчика и... как я предполагаю, у вас сейчас какие-то занятия?

– Да, сэр, – снова проворковала гувернантка и, опустив глаза, мелкими шажочками подошла к Пэрису и протянула ему руку. И отец вложил руку Пэриса в ее пальцы...

Где-то через неделю отец приехал домой гораздо раньше, чем собирался. Мать еще находилась в городе, у нее в этот вечер было заседание «Общества вспомоществования обездоленным детям», активной участницей которого она была. Пэрис играл у себя на третьем этаже. Вчера ему доставили новый конструктор, созданный по мотивам анимэ-сериала «Могучие ежики из короны Талбогана». Если точнее, по его третьему сезону. Тому самому, где ежики сражаются с армией страшных касаток, мчащихся между звездами на прирученных диких кометах и мечтающих подчинить себе всю вселенную. И тут ему захотелось есть. Поскольку матери не было дома, существовала вероятность, что, если он спустится на кухню, няня может побаловать его бутербродом с джемом (при матери о таком и думать было нельзя). Поэтому Пэрис оставил свой конструктор и как был, в мягких комнатных тапочках, побежал к лестнице.

Когда он спустился до второго этажа, его внимание при-

влекли странные звуки. Они доносились из кабинета отца. Пэрис замер, прислушиваясь, а затем на цыпочках двинулся в ту сторону.

Дверь кабинета оказалась приоткрытой. И из этой щели как раз и доносилось странное, ритмичное постанывание, покрываемое время от времени глухим, утробным рычанием. Пэрис осторожно заглянул в щель и увидел мисс Лисию. Она... лежала грудью на столе, стискивая пальцами его выступающие, рельефные края. Юбка ее строгого костюма была задрана до талии, а трусики спущены до туфель. Позади нее находился отец, тоже со спущенными штанами, и ритмично бил низом живота по ее голой попе (во всяком случае, Пэрису в тот момент и под тем углом зрения показалось, что дело обстоит именно так). От этих ударов гувернантка вздрагивала всем телом и слегка постанывала. Некоторое время Пэрис недоуменно наблюдал за этой картиной, и тут вдруг отец, стиснул руками бедра мисс Лиси и несколько раз ударил ей по попе гораздо сильнее, чем прежде, а затем замер и глухо застонал. Гувернантка выгнулась всем телом и тихонько завизжала. Это было настолько странное поведение для двух взрослых строгих людей, что Пэрис испуганно отпрянул и помчался в свою комнату, напрочь забыв о бутерброде с джемом...

Спустя пару месяцев Пэрис проснулся ночью от странных звуков. Некоторое время он лежал, прислушиваясь, а затем понял, что они доносятся со стороны приоткрытой двери его

комнаты. Он встал и подошел к двери, намереваясь ее прикрыть, и... замер, услышав голос матери, но не обычный – ровный и спокойный, как у настоящей леди, а нервный и визгливый.

– ...Я еще закрывала глаза, что ты трахаешь шлюх в своем кабинете в офисе, но у меня дома?! Это переходит всякие границы!!

– Не смей на меня орать! – послышался в ответ злобный крик отца. – Это не твой дом, а дом моих предков, и ты...

– Да где бы был этот дом и все твои долбанные предки, если бы не деньги моего отца?! – перебил его визгливый голос матери. – Давно бы пошел с молотка, а ты сам, вместе со своим придурочным папашкой – побিরались бы по помойкам...

Пэрис съежился и, зажмурив глаза, торопливо захлопнул дверь. А затем бросился в свою постель и свернулся в комочек, натянув на голову одеяло, чтобы как можно надежнее спрятаться от мира, в котором творятся такие ужасные вещи...

На следующее утро занятий у него не было. И вообще мисс Лисии нигде не оказалось.

Новая гувернантка появилась у него только через две недели. Она была толстой, старой и жутко уродливой. А еще от нее пахло чем-то затхлым. Пэрис ее сразу возненавидел. Но когда он пожаловался маме, она, вместо того чтобы ему посочувствовать, только мстительно усмехнулась и сказала:

– Ничего, сынок, мисс Дристис – хороший специалист, прекрасно разбирающийся в своем деле... и только в нем, – отчего-то добавила она.

В десять лет его отправили в дорогую частную школу на Теребине. Школа занимала несколько уютных особнячков, спрятавшихся среди тенистых липовых аллей. За школьным полем для гольфа располагался ипподром, а на противоположном конце их маленькой страны уютно раскинулась площадка для крикета.

В первую же ночь юный Пэрис был поднят с кровати несколькими фигурами в масках и со свечами в руках и отведен в заросли дрока, ограничивающие площадку для гольфа. Там их ожидали еще семеро испуганных новичков. Всем им приказали раздеться и больно хлестнули каждого по ягодицам хворостиной шесть раз. Затем они по пять раз обскакали в голом виде на одной ноге вокруг кряжистого вяза с большим дуплом и... поздоровались с его духом. Что означало громко пукнуть перед дуплом. Одному мальчугану так и не удалось выдать из своего организма подобного звука. И его наказали еще шестью ударами по ягодицам. А затем сообщили, что он не прошел «посвящения» и потому должен за ужином наесться винограда, слив и папеньи и быть готовым следующей ночью «повторить ритуал».

Первый год дался Пэрису тяжело. По традиции новички целый год прислуживали последнему, выпускному классу (как он потом выяснил из разговоров с приятелями, закон-

чившими такие же частные школы, это вообще было обычным делом для любого бординга). И ему в «хозяева» достался угрюмый тип по прозвищу Жабра. Чем объясняясь такое прозвище, Пэрис не знал, но ему было не до того. Тип оказался настоящим тираном и не давал Пэрису покоя ни в будни, ни в выходные. Но Пэрис уже не был сосунком, считающим, что его слезы способны что-то изменить в этой жизни. Он уже твердо знал, что любая его истерика приведет к тому, что мать сурово подожмет губы и ледяным тоном прикажет мисс Дристис:

– Успокойте ребенка и отведите его к нему в комнату.

Однако на следующий год, когда Жабра закончил школу, для Пэриса наступили вполне приличные деньки. Он, по примеру своего соседа по комнате Ники, записался на гольф и выездку, где за ним закрепили славного конька по имени Хохолок. Тот и вправду имел надо лбом такой смешной хохолок...

В четырнадцать лет они с Ники записались в клуб любителей сыра. И лишились невинности. Причем второе прямо вытекало из первого. Лохи из числа одноклассников, едва дождавшись четырнадцатилетия, мчались записываться в клуб любителей вина. Но, согласно уставу клуба, любителям вина позволялось выпить не более двух бокалов за заседание. А вот в клубе любителей сыра такого ограничения не было. Поэтому заседания клуба любителей сыра частенько заканчивались тем, что участники покидали клубную комнату и доби-

рались до своих комнат с большим трудом. И однажды вечером Пэрис наклюкался так, что в конце пути внезапно обнаружил себя в комнатке, украшенной всякими финтифлюшками и дюжиной мягких игрушек. Это была явно не его комната, что подтверждалось еще и наличием симпатичной мордашки Клессы, их с Ники одноклассницы, скромненько сидевшей на кровати напротив.

– А где Ники? – тупо спросил Пэрис.

– А они с Тин пошли смотреть вашу комнату, – скромно потупив глазки, проворковала Клесса. И в этот момент она так напомнила ему мисс Лисию в кабинете отца, что Пэрис тут же все понял. И окинул Клессу оценивающим взглядом...

Поскольку для них обоих это был первый опыт, правильную позицию они заняли лишь минут через пятнадцать. И то благодаря Пэрису, у которого перед глазами стояли отец с гувернанткой в кабинете. Когда он, неумело и обливаясь потом от возбуждения, вошел в нее, Клесса тоненько вскрикнула и сжалась. Но затем все пошло как по маслу. Правда, стол Клессы оказался более хлипким и все время скрипел...

На каникулах Пэрис застал мать с боем, который занимался у них чисткой бассейна. Тот был накачан, ходил в шортах и шлепанцах и все время что-то жевал. Пэрис даже не знал его имени... Он отправился на прогулку верхом, но Трасса ударилась копытом о камень и захромала. Поэтому он вернулся гораздо раньше, чем рассчитывал. Заведя лошадь в ко-

нюшню и вручив повод конюху, Пэрис поднялся к себе, принял душ и вышел из комнаты, собираясь спуститься в библиотеку, но замер у лестницы, заслышав теперь уже вполне узнаваемые звуки. Постояв несколько секунд, он криво ухмыльнулся и осторожно спустился на полтора пролета. Мать лежала на столе, но, в отличие от мисс Лиси, на спине. Ее холеные ноги были задраны к потолку, а халат расстегнут, и руки боя остервенело мяти ее роскошные груди. Сам он в этот момент отчаянно трудился, и его грудь блестела от пота. Мать утробно стонала, а потом вдруг выгнулась и хрипло вскрикнула. Бой сделал еще несколько быстрых движений и выпрыгнул из нее, зажав своего красавца в кулак. Мать расслабленно повела рукой, а потом сняла свои ноги с его плеч и села на столе. Пэрис окинул взглядом ее тело и уважительно оттопырил губу. Благодаря самым современным регенерационным техникам ее тело выглядело максимум лет на двадцать пять. Так что она была еще вполне...

В выпускном классе Пэрису в «слуги» достался маленький мальчуган с испуганными глазенками. Пэрису нравилось доводить его до слез, но времени на это было не очень много. Ники, оказавшийся весьма предприимчивым, организовал на одной квартирке, снятой в маленьком городке в трех милях от школы, настоящий классный притон, куда они бегали после отбоя в понедельник, четверг и субботу. А содержатель квартиры в эти дни привозил туда девочек из Арамайо. И устраивал настоящие оргии с выпивкой и безудерж-

ным сексом.

Однажды, после того как Клесса и Тин поинтересовались, отчего это мальчишки так к ним охладели, Ники, не обращая внимания на отчаянные знаки Пэриса, изо всех сил махавшего руками и истово крутящего пальцем у виска, предложил и им повеселиться на этой квартире.

К удивлению Пэриса Ники оказался прав. Девчонкам все понравилось. Несмотря на то что на квартире было еще четыре парня из других классов, они отработали по полной, ни в чем не уступив привезенным проституткам. А потом пообещали в следующий раз привести с собой еще нескольких подруг...

После школы Пэрис подписал договор с самым престижным Тенгесским финансовым университетом и... отправился в габ посмотреть мир. Мир оказался прикольным. Больше всего ему понравился Каров Божнек. Местные шлюхи оказались просто ненасытны. И очень дешевы. Он тратил на суточную оргию с пятью высококлассными шлюхами столько же, сколько дома на вечер лишь с одной. А еще в Карове Божнеке он впервые попробовал «дурь». Здесь выпускался местный вариант «синей метели», довольно дешевый. При достаточно приемлемом качестве. Впрочем, деньги Пэриса не особо волновали. Деньги были всегда, это непреложный закон природы, который, по его разумению, ничто не могло изменить...

Университетская жизнь плавно продолжила традиции, за-

ложенные в габе. Отец подарил ему аэрол, неплохой «Гаэль-орше». На нем Пэрис и появлялся на вечеринках. В первый же год в его постели перебивало большинство самых известных в их кругах шлюх, что принесло Пэрису репутацию настоящего плейбоя. На каникулы они с друзьями полетели на Отрофу, шикарный курорт, где отлично провели две недели. В памяти Пэриса они оказались подернуты алкогольным и наркотическим туманом. Но было весело. Это он помнил точно...

Следующие два курса пролетели так же весело. С оценками и экзаменами особых проблем не было. Отец входил в попечительский совет университета, ибо сам, в свое время, окончил его же. Да и вообще, к отпрыскам богатых родов в данном учебном заведении, несмотря на все его демократические традиции, относились куда благосклоннее, чем к обычным студентам. Правда, появились некоторые проблемы с полицией. Пэриса дважды задерживали за управление аэролом в пьяном виде, и он даже лишился прав сроком на месяц. Да еще должен был прослушать жутко тягомотную лекцию по безопасности движения... Но это, как говорил отец, были издержки жизни в свободной, демократической стране.

По окончании университета Пэрис получил от родителей в подарок роскошную яхту (они его все-таки по-своему любили) и закатил грандиозную вечеринку на борту, затянувшуюся почти на две недели. А когда он, почти синий от недо-

сыпа, перепоя и жуткой смеси «дурей», каковых на этой вечеринке было вдосталь, появился в родительском доме, отец и мать ждали его в гостинной.

– Сынок, – начал отец, – нам надо обсудить твою дальнейшую жизнь.

Пэрис чувствовал себя как выжатый лимон, его мутило. Поэтому он окинул родителей тоскливым взглядом и пробормотал:

– Завтра...

– Сейчас, – жестко отреагировала мать. – Завтра ты опять укажишь на очередную вечеринку и появишься дома только через неделю, причем в еще худшем состоянии, чем теперь...

Пэрис слушал ее, изо всех сил пытаясь сдержать позывы к рвоте. Ему это удалось сделать один раз, затем другой... а на третий он не выдержал и вывернул содержимое желудка прямо на ковер гостинной. Мать осеклась и побелела от бешенства. А отец криво усмехнулся и произнес:

– Да-а-а... ну ладно, завтра.

Назавтра Пэрису пришлось выдержать настоящий бой. Мать орала, что он совершенно не контролирует себя, что отцу уже дважды пришлось обращаться к друзьям, чтобы те надавили на людей из управления по контролю за распространением наркотиков. Иначе сейчас Пэрис уже бы куковал где-нибудь на Ирга Рое, в компании с другими драгерами. На вялую реплику Пэриса, что он не торговал наркотиками,

а лишь угощал ими, мать взбеленилась еще больше. Отец в основном слушал, изредка вставляя реплики, а затем завершил разговор:

– Пока ты учился, сынок, на многое можно было закрыть глаза, но теперь все изменилось. Я собираюсь взять тебя на работу в мою компанию. И ты должен будешь не уронить чести рода Сочак.

Пэрис, у которого на ближайшую пару лет были несколько другие планы, попытался было заявить, что, мол, он еще не готов, что ему надо отдохнуть, что он собирался еще прослушать курс юриспруденции в Национальном смитсоновском университете, но родители были непреклонны. И потому ему пришлось сдаться.

Работа у отца, как он и ожидал, оказалась жутко занудным делом. Пэрис целыми днями сидел в своем кабинете, уныло листая спортивные страницы и лазая по порносайтам, изредка появлялся в кабинете отца на совещаниях и сопровождал его на встречи, на которых, по мнению отца, ему полезно было присутствовать. По субботам они с отцом ездили в гольф-клуб, где степенно расхаживали по полю, время от времени лупя клюшкой по черт-те куда залетающему мячу. Гольф Пэрис возненавидел еще со школы. В нем не было драйва. Но играл неплохо. Поэтому партнеры отца по гольфу частенько хвалили тот или иной его удар. А отец наставлял его:

– Гольф – это не только прекрасная игра, сынок, но и от-

личная площадка для общения. Многие мои самые удачные сделки были подготовлены именно здесь, на поле для гольфа, или за зеленым столом для бриджа. И лишь подписаны в офисе...

Но Пэрису вся эта скучная жизнь, все эти деловые встречи, переговоры, сделки были поперек горла. Зачем тратить время и силы на все это, если на свете еще так много «неотжаренных курочек», как выражался его друг Ники. И как можно гробить свою жизнь на столь тягомотные занятия, когда вот тут, рядом, буквально руку протяни, царят веселье и удовольствия...

Эту жизнь он выдержал только полгода. А затем сорвался и, загрузив свою яхту толпой шлюх и изрядным запасом разнообразного кайфа – от спиртного до «дури», закатил дикую оргию, затянувшуюся на четыре месяца.

След его роскошного круиза протянулся по одиннадцати планетам, где озаменовался дебошами, битыми витринами, драками с полицией и регулярной сменой состава шлюх, надолго заняв первые страницы самых желтых сетевых таблоидов. Впрочем, не только желтых...

На этот раз при появлении в родительском доме Пэрис уже был готов к схватке. И на все выпады матери отвечал жестко и цинично, сразу выбив ее из колеи живописным рассказом о сексе с боем из бассейна, состоявшемся на глазах у «испуганного» и «изумленного» четырнадцатилетнего «мальчика», а затем, поинтересовавшись, где это она так за-

держивается по пути с заседаний своего «Общества по вспомоществованию обездоленным детям». Уж не молодой ли ее личный шофер тому причиной?

По поводу шофера его просветил Ники, который как-то с усмешкой заметил, что рога, которые его мамашка регулярно наставляет его папашке, ни для кого в обществе не секрет уже лет десять. Впрочем, папашка от мамашки не отстает. А скорее, даже, опережает. Ибо кроме секретарши, которую он больше держит под своим рабочим столом, чем на рабочем месте, имеет еще двух любовниц, которым снимает по роскошной квартире. Обе знают друг о друге и иногда даже пользуются «папика» вместе, не упуская, впрочем, случая понаушничать ему друг на дружку.

Все эти сведения, полученные от друга, Пэрис безжалостно использовал в схватке с родителями и на этот раз разбил их в пух и прах. Человек живет под влиянием неких образцов и идеалов. И если те, кому самой природой предназначено являть своим детям благие образцы, на самом деле далеки от них, то пропаганда любых идеалов, которым дети должны бы соответствовать, в их устах будет звучать жалко. И совершенно неубедительно. А власть и деньги еще никому и никогда не давали индульгенций от разврата, лицемерия и пошлости. Наоборот, они еще явственнее выпячивали их... хотя многие из тех, кто обладал богатством и властью, поначалу считали по-другому. До тех пор, пока не сталкивались с этим вот так, в лоб, глядя в глаза стоявшему перед ними

собственному ребенку.

Так что итогом разговора стало согласие Пэриса вновь вернуться на работу к отцу, но за это родители покупали ему роскошный пентхауз на крыше «Памбл тауэр» и не вмешивались в его личную жизнь, которую он может организовывать по своему собственному вкусу.

Пэрис торжествовал. Теперь ничто не мешало ему наслаждаться жизнью. В знак победы он тут же закатил мощную вечеринку, апофеозом которой стало купание шлюх в огромном аквариуме с шампанским. Тогда они наклюкались так, что одна из шлюх едва не утонула. Пришлось даже вызывать карету «скорой помощи», чтобы ее откачать. Один из папарацци, переодевшись медиком, проник в его новую квартиру и заснял царивший там разгром, так что на следующий день все таблоиды вышли с заголовками «Наследник семьи Со-чак устраивает роскошную оргию в знак избавления от родительской опеки» и снимками аквариума с голыми шлюхами...

Следующий год превратился в одну бесконечную вечеринку. В компании отца Пэрис появлялся всего лишь раз двадцать. У него окончательно отобрали права на управление аэролом, но Пэрис не унывал. Он завел себе длинную модель с личным водителем и выкинул эту проблему из головы.

За очередную драку он был приговорен к месяцу тюрьмы, но на второй день симитировал приступ аллергической аст-

мы, и его адвокат вытащил его из тюрьмы под предлогом слабого здоровья. Пэрис провел месяц под домашним арестом, с полицейским браслетом на ноге, по показаниям которого копы контролировали место его пребывания. А по окончании срока закатил грандиозную вечеринку в честь «освобождения».

В конце года его вызвал отец и, морщась, холодно заявил, что Пэрису удалось за год облегчить их семейный бюджет почти на сто сорок миллионов кредитов. И если он не сбавит темп, то денег им хватит только на десять лет такой жизни. Пэрис ухмыльнулся и посоветовал отцу «повысить эффективность инвестиций». На что отец разразился гневной тирадой. Пэрис огрызнулся и...

Короче, в свою квартиру он вернулся в пресквернейшем настроении. Лекарством от этого у него давно было только одно – «дурь». Он вкатил себе дозу, а затем позвонил паре шлюх, каковые всегда пребывали в состоянии готовности. Шлюхи приехали быстро. Но Пэрису этого показалось мало. Поэтому он добавил еще одну дозу и велел шлюхам «размножиться». Когда тех оказалось уже с полдюжины, он принялся за дело. Но дело отчего-то пошло не очень. Тогда Пэрис добавил еще «дури» и... что случилось потом, он помнил смутно.

Очнулся он от того, что кто-то бил его по щекам. Голова раскалывалась. Во рту было сухо, как в топке.

– Воды... – хрипло пробормотал Пэрис.

– Пить просит, гаденыш... – зло отозвались рядом. Однако спустя минуту ему в руки сунули стакан. Пэрис попытался поднести его ко рту, но почему-то поднялись сразу обе руки.

Когда глаза удалось-таки открыть, он обнаружил на своих запястьях мерцающие кольца силовых наручников, а подняв голову, увидел расхаживающих по квартире полицейских.

– Что... произошло? – тупо спросил он.

– Мы бы и сами хотели это знать, – раздался слева усталый голос. Пэрис повернул голову. Рядом с ним стоял комиссар полиции и печально смотрел на него. – Как у вас в квартире оказалось шесть трупов молодых девушек?

– Шесть чего? – недоуменно переспросил Пэрис.

– Шесть трупов, – повторил комиссар, – в квартире. И еще один внизу, на площадке перед входом в здание, как раз напротив вашего балкона...

Из тюрьмы его выпустили под сумасшедший залог в двести миллионов кредитов. Квартира была опечатана, на яхту, как на транспортное средство, позволяющее покинуть планету, был наложен арест, так что адвокат привез Пэриса в родительский дом. Они поднялись в кабинет отца. Пэрис окинул взглядом тот самый стол, но сейчас он не вызвал у него никаких ассоциаций.

– Что мы можем сделать? – спросил отец у адвоката.

Тот пожал плечами.

– Не знаю. Все улики против него. Убийство первой категории. Тем более что в прессе началась настоящая истерика.

Моралисты увидели в этом хороший повод для урока...

– Значит...

– Бесполезно, – покачал головой адвокат. – С таким букетом его выдадут отовсюду. Кроме, разве что, монастыря на Игил Лайме, – криво усмехнулся он.

Отец ответил ему такой же усмешкой. Похоже, они знали про этот монастырь нечто такое, что не позволяло даже рассматривать его в качестве убежища. Но Пэрис не обратил на их реакцию никакого внимания. В его мозгу занозой засело название – монастырь на Игил Лайме. Это было место, в котором можно укрыться от чертовых копов. И от газетчиков, делающих из него настоящее исчадие ада. А ведь он – нормальный парень. Ведь правда же... Надо только переждать. Недолго. Всего полгода. А там все как-нибудь уладится. Ведь так было всегда...

На следующий день он позвонил Ники и попросил «подбросить» его до Шевели, ближайшей к ним планеты соседнего стейта. Тот сначала заюлил, а затем напрямую отказался, сообщив, что не собирается попадать под статью как пособник преступника. Это повергло Пэриса в полное изумление. Он – преступник?! Да что за чушь!! Просто произошел несчастный случай. Он только немного перебрал и... Впрочем, Ники, как всегда, напоследок сообщил ценную информацию: есть люди, которые за хорошие деньги способны уладить почти любые дела. И подкинул номерок.

За улаживание его дела в целом эти люди не взялись, ска-

зав, что дело уж больно громкое и улики слишком неоспоримы. А вот с поездкой до Шевели помочь обещали. Как и с покупкой билета до Игил Лайма на какой-нибудь приличный круизный лайнер, проходящий через него транзитом. Денег за это затребовали немало.

И вот сейчас Пэрис уже четвертый день околачивался в каюте лайнера компании «Санлайт декстормикс», мучаясь от безделья и потому изводя мелкими придирками персонал. Ему было совершенно нечем заняться. Он не озаботился «подгрузить» в каюту шлюх (слишком был испуган), а «дури» здесь тоже не было. Вернее, если бы он покинул каюту и отправился исследовать местные бары и дискотеки, то, вероятнее всего, вскоре обнаружил бы и то, и другое. Но человек, доставивший его с его многочисленными чемоданами (он же ехал на полгода, причем в совершенно незнакомое место) на борт лайнера, настоятельно порекомендовал ему не покидать каюту до прибытия в конечный пункт. Ибо если в персонале можно было почти не сомневаться – он на таких лайнерах хорошо вышколен и умеет мгновенно забывать то, что не касается его прямых обязанностей, то вот того, что среди праздной публики, заполнявшей роскошные палубы, не найдется ни одного, кто не узнает физиономию Пэриса, гарантировать было нельзя – его положение в обществе, совершенное преступление, а теперь еще и дерзкий побег, поставивший, кроме всего прочего, корпорацию отца на грань разорения, привели к тому, что его лицо красовалось на пер-

вых полосах всех самых популярных таблоидов. Так что Пэ-рис, всегда и во всем в первую очередь принимавший во внимание лишь свои желания, сейчас метался по каюте, словно лев в клетке, заглушая клочкотавшие в нем злость и раздражение только неумным поглощением спиртного. А лететь до Игил Лайма оставалось еще почти неделю...

Приказ об увольнении Ирайр получил в полдень. Когда терминал в кубрике тихо дилинькнул, сообщая, что на его адрес пришло письмо. Ирайр валялся на койке, уставившись в потолок и закинув руки за голову. Услышав сигнал, он еще несколько мгновений лежал, будто пытаясь отдалить момент, когда лейтенант Ирайр уже окончательно исчезнет и превратится в просто Ирайра, но затем вздохнул и, рывком сев на кровати, ткнул пальцем в клавишу. Над панелью терминала тут же развернулось призрачное, но казавшееся абсолютно реальным полотно голомонитора, на котором возник солидный, с печатями и гербовой вязью бланк офиса начальника базы адмирала эн Гуурга. Ирайр ткнул еще одну клавишу, и под клавиатурой тихонько загудел принтер. Ирайр выудил из щели распечатку, пробежал ее глазами и криво усмехнулся. Вот и все. Энсина... вернее лейтенанта (он так и не успел привыкнуть к своему новому званию) Ирайра больше нет...

Если бы еще полгода назад кто-то сказал ему, тогда еще энсину Ирайру, что он напишет рапорт об увольнении, он в лучшем случае просто радостно заржал бы, оценив прикольную шутку, а в худшем покрутил бы пальцем у виска и поднес к носу шутника свой крепкий и немаленький кулак. Все изменилось там, на Шани Эмур.

Эскадра, на флагманском крейсере которой энсин Ирайр нес службу в качестве оператора лобового пульта контроля и наблюдения, была отправлена в систему Шани Эмур с целью раз и навсегда покончить с гнездом терроризма и пиратства и вновь восстановить в этом довольно оживленном районе космоса закон и порядок. На первый взгляд никаких особых трудностей не предвиделось. По всем расчетам эскадры с массой покоя в десять миллионов тонн с лихвой хватало на то, чтобы у главарей преступной шайки, обосновавшейся на Шани Эмур, не возникло даже и мысли о сопротивлении. В конце концов не самоубийцы же они! А по данным разведки, максимум, что хозяева Шани Эмур могли противопоставить эскадре Соединенных государств, это пара орбитальных терминалов, переоборудованных под оружейные платформы, и несколько эскадрилий устаревших универсальных перехватчиков, которые вообще не стоило принимать во внимание. Шани Эмур был колонией старой и довольно густозаселенной, но в основном аграрной, без сколько-нибудь значимой промышленности, кроме горнорудной и производства сельхозтехники. Однако стоило эскадре встать на геостационарную орбиту, как на связь с адмиралом эн Грийязом вышел Светлый князь Диего и приказал ему оттянуться подальше от планеты и ничего не предпринимать.

Кто такие Светлые князья, Витязи, Воины и даже сам Государь, большинство представляло слабо. Было известно, что если не все, то большая их часть происходят с одино-

кой планетки на самом краю галактики со смешным названием Земля. Но что они такое – люди или уже кто-то иной, так до конца никто и не прояснил. Единственное, что после нескольких случаев стало абсолютно ясно всем, кто обладал в галактике хоть какой-нибудь властью и влиянием, звучало так: «Если Светлый князь говорит *джамп* — заткнись и прыгай!» Так что приказ был выполнен беспрекословно...

Немного позже выяснилось, что народная мудрость насчет прыжков и на этот раз полностью подтвердилась. Ибо, как оказалось, разведка очередной раз села в лужу и проглядела, что над Шани Эмур развернута полная планетарная оборонительная сеть первого порядка. А это означало, что они все остались в живых лишь чудом... имя которому – Светлый князь.

О том, что Светлый князь прибыл на флагман, Ирайр узнал от своего приятеля-бармена. А буквально через час и сам встретился с одним из тех, кто прибыл с князем. Его звали Юрий, и он был Воином. Ирайр так и не разобрался в том, что такое Воин. С одной стороны, Юрий вроде бы действительно соответствовал тому представлению о Воинах, которое было распространено среди граждан Соединенных государств. А именно, что Воины – самые совершенные боевые машины во вселенной... ну исключая, конечно, Витязей и Светлых князей. Достаточно было увидеть, как он владеет своим телом. С другой стороны, как расценить его заявление: «Убивать *недопустимо*. Это запрет, табу, *грех*. Убивая,

мы разрушаем себя. Свою душу, свою силу». Воин, испытывающий отвращение к убийству? Какое-то терминологическое противоречие! А когда сам Светлый князь «разменял свою жизнь на... почти нереальную вероятность того, что и здесь и сегодня никто не умрет», Ирайр понял, что не может дальше жить так, как жил до сих пор. Ибо этот мир оказался на порядки и порядки сложнее, чем Ирайр представлял себе раньше. Сложнее, но все-таки постижим. Юрий, который был немногим старше Ирайра, явно знал о нем в разы больше его самого. Энсин долго размышлял над этим: те два месяца, что он провел на Шани Эмур, записавшись добровольцем в десантную партию, затем все время перелета до базы. И даже уже приняв решение, он все равно продолжал мучиться вопросами: а стоит ли; а хватит ли сил, духа и упорства; да и вообще, зачем? Ведь недаром говорится, что во многом знании многая печали. Но кто-то ведь смог! Не испугался! Не отступил! Неужели Ирайр слабее? И как можно *сдаться*, даже не попробовав? Поэтому на базу он вернулся с твердым решением во всем разобраться. А для этого надо было начать с самого начала – с места, откуда появляются Воины. С монастыря. Например, с того, что на Игил Лайме...

После получения приказа Ирайр не торопясь обошел базу, сдав все числящееся за ним казенное имущество, сбросив на карту расчет и записавшись на ночной шаттл до гражданского орбитального терминала. Хотя, согласно положению о прохождении службы, флот обязан был доставить его до ор-

биты той планеты, которую он укажет, но ясно же, что специально под него рейс никто планировать не будет, а попутно-го пришлось бы ждать минимум неделю. Поэтому он решил, что доберется до дома обычным рейсовым маршрутником. Так что к семи часам из несделанного осталось только одно – прощальная попойка.

Они собрались в «Пурпурной дырке». На базе не было слишком уж четкого разделения заведений по статусу, как на крейсере, но, исходя из цен и общей атмосферы, контингент «Пурпурной дырки» все равно в основном составляли младшие офицеры. Для матросов и десантников первого контракта она была дороговата, а старшины и сержанты, получавшие даже поболее иного лейтенанта, предпочитали заведение поспокойней. Не говоря уж о старших офицерах.

Крейсер был на патрулировании, поэтому компания оказалась немногочисленной – сам Ирайр, лейтенант-десантник Аджоб и его бывший сосед по крейсерскому кубрику Граймк. Граймк отправлялся в отпуск и ждал попутного рейса, а Аджоб, которому изрядно досталось на Шани Эмур, возвращался на корабль после лечения и реабилитации. Но чуть опоздал к отходу.

Первую приняли с ходу.

– И все-таки я тебя не понимаю, Ирайр, – откинувшись на спинку стула, скрипнувшую под его внушительным телом, произнес лейтенант Аджоб. – Получить досрочно лейтенанта и глаз Бурыга (так между собой называли Малую рейдо-

вую звезду) на грудь и тут же подать рапорт на увольнение... глупо!

Бывший лейтенант Ирайр криво усмехнулся. Ну что тут отвечать? С точки зрения любого военного, да что там говорить, любого просто по-житейски умного человека, его поступок действительно был несусветной глупостью. Нет, ну для него лично, при иных обстоятельствах, скажем, если бы он разочаровался в службе или, не дай бог, конечно, что-то случилось с отцом и ему пришлось бы срочно вступать в наследство, его увольнение могло оказаться вполне в порядке вещей. Но все сидящие за этим столом знали, что никаких неприятностей в семье Ирайра не произошло и уж тем более никаких причин для разочарования на обозримом горизонте не наблюдалось. Наоборот, наличествовал такой карьерный рывок, о котором можно было только мечтать. К тому же каждый из присутствующих готов был дать руку на отсечение, что лейтенант Ирайр самой судьбой предназначен для службы. Ну встречаются иногда такие люди, в которых судьба явно впечатала свое предназначение. Так что в голове у всех занозой сидел недоуменный вопрос, в чем же дело. И что отвечать на это, Ирайр не знал. Не потому, что у него не было ответа, а потому, что его ответ просто не поймут. Конечно, за этим столиком в гарнизонном ресторанчике собрались его друзья, те, с кем он делил все горести и радости, кто вытаскивал его задницу из всяческих неприятностей (как, впрочем, и наоборот), но это были друзья *прежнего* Ирайра.

Ирайра, который еще не разговаривал с Воином и не видел смерти Светлого князя Диего... Прежний Ирайр был вовсе неплох. Более того, мир прежнего Ирайра полностью соответствовал миру тех, кто сейчас сидел за столом. Прежний Ирайр был даже, пожалуй, более счастливым – просто потому, что для ощущения счастья ему нужно было не так уж много. Например, минутку свободного времени, несколько друзей, пару бокалов светлого и, может быть, еще горячее и податливое женское тело на коленях. Вот только вся беда в том, что прежнего Ирайра больше не было...

– Ну, за нашего друга и хорошего офицера, – поднимая набитый льдом стакан с исски, провозгласил лейтенант Аджоб, – который, несмотря на все те глупости, что он натворил, все равно навсегда останется нашим другом.

Они дружно сдвинули стаканы и затем также дружно отхлебнули.

– И чтоб ему на гражданке стало скучно, и он вернулся, – закончил Аджоб, ставя стакан на стол. Товарищи рассмеялись, а Ирайр тихонько вздохнул. Вот демоны Игура, как просто был раньше устроен мир. Он четко делился на своих и чужих, свои – на гражданских шпаков, в общем-то существ презренных и бестолковых, и военных, которые опять же разделялись по степени близости и крутости. В нем было то, что доставляло удовольствие и к чему непременно следовало стремиться, и жуткая тягомотина, которую по возможности следовало избегать. А когда не удавалось – принимать

со стоическим терпением. И хотя в перечне ценностей Ирайра отсутствовали несомненно входившие в список остальных аэрол, квартира, счет в банке, аэрол покруче, собственный дом, ну и так далее... просто потому, что у него все это имелось, но в остальном все было ясно и понятно. А теперь он сам себе напоминал двухнедельного щенка, у которого до сего момента все было хорошо и просто – теплая коробка, теплое молоко, теплые тельца братьев и сестер рядом, знакомые и понятные запахи, позволявшие легко и просто ориентироваться в этой жизни и вдруг внезапно пелена, закрывавшая глаза, исчезла, и оказалось, что мир намного больше коробки. И мама – это не только вымя. А тут еще откуда-то из запредельного далека внезапно обрушиваются на него две руки, выдергивают из теплого уютного мирка, уносят куда-то в невероятные дали, и чей-то непонятный громовой голос говорит: «Ты смотри, у этого открылись глазки!..»

– Ну чего притих? – наклонился к нему Аджоб, – Лисию вспомнил? – он щелкнул пальцами. – Да-а-а, классная штука. Завидую... ну ничего, сейчас мы этот недостаток устраним.

– Какой? – отвлекся от созерцания извивающихся на танцполе тел Граймк.

– Отсутствие женского пола, – пояснил Аджоб, выбираясь из-за стола.

– Ого, – оживился Граймк, – помощь нужна?

– Только для транспортировки, – отозвался Аджоб, рас-

плываясь в ухмылке и исчезая в толпе.

Граймк проводил его слегка завистливым взглядом.

– Да уж, – пробурчал он, обращаясь скорее к себе, чем к Ирайру, – этому лосю девочку снять, как два пальца об асфальт. Девочки на десантников только так западают...

– Ну, насколько я помню, ты, – усмехнулся Ирайр, – по моему, никогда с этим особых проблем не имел.

– Ничего ты не понимаешь, – поудобнее устраиваясь на диванчике, заявил Граймк, – женщина – существо эмоциональное, движимое чувством, инстинктом. А самый главный инстинкт у них – это принадлежать сильному самцу. И пусть сейчас сила вроде как уже не олицетворяется только мощью мышц или длиной рук, более того, олицетворением силы, служат совсем другие вещи – классный прикид, крутая тачка, роскошные апартаменты, словом то, что демонстрирует в первую очередь не грубую силу, а толщину твоего кошелька, все равно это наносное, привитое разумом, а не идущее из самого ее естества. А бабе против своей природы устоять трудно. И когда ей встречается вот такой крутой самец, то стоит ей чуть-чуть расслабиться, как она, будто созревший плод, буквально падает в его небрежно подставленную ладонь.

Ирайр пожал плечами.

– Ну не знаю... я как-то этого не замечал.

– Ну еще бы, – скептически хмыкнул Граймк, – в тебе, понимаешь ли, в полной мере имеется и то, и другое. И бицеп-

сы, и запах денег, и, для совсем уж гурманок, еще и интеллект. А таким парням, как я, всегда приходилось довольствоваться только интеллектом. Впрочем, – Граймк расплылся в улыбке, – интеллект – та еще штука. И если на меня бабы сразу не вешаются, как на тебя или Аджоба, то чуть погодя, после пары стаканчиков, я любого из вас обскачу. Спорим?

Ирайр усмехнулся и покачал головой.

– А Аджоб бы поспорил, – с некоторым сожалением в голосе констатировал Граймк, – и проиграл бы. Он же привык к тому, что все решает первое впечатление – напряг бицепс, р-р-раз и в дамки! А женщина – существо романтическое. Любит ушами. Так что дайте мне полчаса, и та, которая мне понравится, и думать забудет об Аджобе.

– Ну, я полагаю, что та, которая тебе понравится, и так не посмотрит на Аджоба, – усмехнулся Ирайр, – а та, на которую упадет Аджоб, не слишком привлечет тебя. Насколько я смог заметить, Аджобу больше нравятся девочки в теле, с большой грудью и крепкой задницей, зато с минимальным заполнением головы, а тебя привлекают субтильные дамы с мечтательным взглядом и желанием поговорить о возвышенном.

– Да какая разница? – пожал плечами Граймк. – Трахаются и те и другие, как швейные машинки. Так что я вполне могу заняться и девахой в стиле Аджоба... Хотя ты прав: он вряд ли предпочтет мою... – но закончить свои размышления Граймк не успел, потому что перед их столиком появил-

ся Аджоб в компании двух девиц.

— Вот, девочки, знакомьтесь! Это и есть наш друг, которого мы сегодня провожаем на гражданку, отчаянный десантник, кавалер Малой рейдовой звезды лейтенант Ирайр.

Ирайр удивленно воззрился на Аджоба, но затем искривил уголок губы в понимающей усмешке. Ну как же, для Аджоба десантник — высшее существо среди своего брата военного. Ибо, по его твердому убеждению, круче этих ребят, которые открыто и бесстрашно бросаются навстречу смерти, защищенные от бушующего огня не могучими силовыми полями и толстой броней боевых кораблей, не чудовищными расстояниями космоса и десятками мудреных станций подавления и постановки помех, а всего лишь тонкой скорлупой боевого скафандра, могли быть только вареные яйца. Да и то вряд ли. И он, видевший Ирайра «в деле» во время экспедиции на Шани Эмур, еще тогда высказал твердое убеждение, что Ирайр попал в экипаж по какому-то глупому недоразумению. Ему самое место в десанте. Так он и заявил после того, как Ирайр со своим звеном ботов буквально протиснулся по какой-то узкой, извилистой щели к скале, на которой «непримиримые» зажали взвод Аджоба, и под жутким огнем снял их с голой вершины. Так что сейчас он пытался хотя бы таким способом воздать должное своему боевому товарищу и старому другу... Аджоб относился к типу простых людей, всегда твердо знавших, как все обстоит на самом деле, и не стеснявшихся «всегда говорить правду».

Резать ее в лоб, жестко, категорично и безапелляционно. Им даже в голову не могло прийти, что правд может быть много и одна ничуть не правдивее другой. А вот как они соотносятся с *истиной*, не известно никому. Особенно человеку, который видит только одну, свою собственную правду...

– Сенталия...

– Иннона...

– Присаживайтесь, девочки, – вскочил Граймк, отодвигая стулья.

Ирайр снова усмехнулся. Аджоб верен себе. Девочки были в его вкусе, рослые, крепкие, с развитой грудью. Одна блондинка, а волосы другой были разделены на прядки и окрашены в чуть ли не сотню разных тонов – от ярко-желтого до иссиня-черного. Блондинка была одета в форменное платье с нашивками капрала медицинской службы, а аппетитная фигурка разноцветной была затянута в стильный брючный костюм цвета индиго.

– Что будете пить?

– Мне мисанто...

– И мне...

Следующие полчаса все развивалось так, как и планировалось. Аджоб громко смеялся и подливал, Граймк напропащую шутил, а девочки стреляли глазками, весело смеялись, делая вид, что не замечают, как мужская рука слегка коснется бедра, тихонько скользнет вдоль груди или требовательно затеребит нащупанную под мягкой материей застеж-

ку бюстгальтера. Ирайр же, откинувшись на спинку стула, с легкой усмешкой наблюдал за всей этой вечной ритуальной пляской самцов и самок перед будущим совокуплением. Ему вдруг пришло в голову, что этот ритуал, по сути своей, ничем не отличается от того, что он видел на токовище глухарей, когда ездил с отцом на охоту. Или брачных игрищ тонконового бородавочника, статью о которых он случайно прочитал в географическом журнале, найденном на столике в приемной начальника базы. Как он туда попал – непонятно... Нет, *внешне* все выглядело совсем иначе. Но, пожалуй, это внешнее отличие было не большим, чем между ритуалами глухарей и бородавочников. Одни хлопают крыльями, другие почесывают бока подружки клычками, а третьи теребят застежку бюстгальтера, и при этом и те, и другие, и третьи издают какие-то звуки, понятные предмету обхаживания... Суть одна. Эта мысль в общем-то не вызвала у Ирайра ханжеского отвращения или высокомерного презрения к тому, что он наблюдал. Она лишь протянула ниточку понимания к словам Воина: «...мы *слишком* хорошо знаем, что такое настоящая любовь, чтобы испытывать удовольствие от *консервов*». И Ирайр вдруг понял, что сегодня ему совсем не хочется консервов...

– Знаешь, – повернулся он к Аджобу, улучив момент, когда Сенталия с Граймком отправились на танцпол, а Иннона отлучилась в дамскую комнату, – я, пожалуй, двину.

– Ты чего? – изумился Аджоб, – телки не понравились?

Так сейчас других зацепим! Только скажи!

Ирайр покачал головой.

– Остынь, десантник. Мне просто что-то не хочется. Лучше прогуляюсь по базе, попрощаюсь, да и пойду собираться. Шаттл до орбитального терминала в два сорок.

– Ну смотри... а Инноночка хороша, – Аджоб попытался удержать друга от опрометчивого отказа, – и уже совсем готова. Точно говорю!

– Вот и удачи, тебе, – усмехнулся Ирайр.

– При чем тут удача? – пренебрежительно оттопырив губу хмыкнул Аджоб. – Точный расчет, стремительный натиск и немного мужского обаяния. И дело в шляпе!..

До Горячих ключей Ирайр добрался через неделю. Он попросил такси высадить его у ольховой рощи и, дождавшись, когда доставивший его аэрол скроется за грядой невысоких холмов и вокруг вновь воцарятся покой и безмятежность, двинулся вокруг рощи.

Было пять пополудни. В этом полушарии только начиналась осень. Ольховник еще стоял зеленый, но кое-где листва уже окрасилась в осенние тона. Ирайр шел и вдыхал ароматы родного дома. Там, чуть в глубине рощи, стояла старая, дуплистая ольха, настоящий великан. Как она такой уродилась, уму непостижимо! И в одном из дупел были надежно спрятаны богатства маленького мальчика – рогатка, потертая фляжка с эмблемой Иностранного легиона и наладонный голопроектор, в памяти которого были записаны все восемна-

дцать сезонов «Могучего Игги». Ирайр тогда первый раз собирался убежать из дома и поступить в военный флот, чтобы быстро стать адмиралом и победить злобного и ужасного Государя с его прихвостнями и вернуть народам галактики свободу и демократию. Кто такие прихвостни, он тогда представлял слабо, как и то, что такое свобода и демократия. Но так часто говорил дед, когда они с друзьями собирались по пятницам в каминной. А Ирайр тихонько выбирался в библиотеку, занимавшую балкон над каминной, и часами сидел, глядя, как дед и его друзья играют в бридж, курят сигары и разговаривают о том, в каком ужасном положении оказались свободные люди и что непременно найдутся герои, которые пойдут по их стопам и вернут людям отнятую у них свободу... Батарей голопроектора, скорее всего, давно сели, но все остальное наверняка было в порядке. Этот ольховник находился очень далеко от дома, почти в трех милях, так что вряд ли кто еще умудрился сюда забраться.

Домой он добрался через полтора часа. И хотя он не сообщил о дне своего приезда, все уже были дома.

Мать и отец встретили его хорошо и не расспрашивали, почему он так резко изменил свои жизненные планы. Ирайр для них уж давно был «большим мальчиком, способным самостоятельно решить, что ему делать». Отец просто деликатно поинтересовался, что он планирует предпринять дальше. Ирайр пожал плечами.

– Не знаю, папа... Пару недель поживу дома. Мне надо

подумать.

Нет, от своих планов добраться до монастыря на Игил Лайме он не отказался. Но после сегодняшней прогулки по усадьбе ему вдруг захотелось некоторое время пожить в беззаботности и покое. Как в детстве... ну или хотя бы немного попритворяться, что такое возможно. Да и не обязательно же отправляться в монастырь сразу, немедленно. В конце концов Юрий рассказывал, что его кузен пошел в монастырь, только когда ему исполнилось тридцать или даже сорок лет, а Ирайру еще нет и двадцати пяти...

– Хорошо, сынок, – кивнул отец, а мать обрадовано сверкнула глазами.

– Я очень рада, Ирайр. Кстати, к нам завтра приезжает твоя троюродная тетушка Наола с двумя дочерьми. Так что тебе будет компания.

Ирайр внутренне усмехнулся. Мать не оставляла попыток свести его с какими-нибудь девочками «их круга» с явным прицелом на будущую женитьбу. Но разве не все матери занимаются тем же?

Вечером он поднялся в кабинет к деду. Сегодня была среда, поэтому гостей у деда не предвиделось. Когда-то давно, когда Ирайр еще только появился на свет, дед, следуя своим убеждениям, бросил, как он рассказывал Ирайру, «вызов грязным политикам, угодливо склонившимся перед узурпатором». Что конкретно произошло в те давние времена, и в чем состоял этот вызов, – Ирайр не знал. И до сих пор

узнать это так и не смог, несмотря на все свои усилия. Дед ничего не рассказывал, говоря, что пока рано, а ни от кого другого Ирайру информацию получить не удалось. Все, к кому он обращался, либо и сами ничего не знали, как, похоже, отец и мать, либо тут же напускали на себя неприступный вид и, снизив голос, заявляли, что дело сие есть великая государственная тайна. Но как бы там ни было, дед проиграл. И те самые «грязные политиканы», которым он попытался бросить вызов, приговорили его к пожизненному заключению. Заодно, как Ирайр выяснил уже в более взрослом возрасте, решили конфисковать и все имущество. Однако тут вмешался Государь, явив свою волю и повелев оставить деда в покое. Но дед отверг заступничество Государя, заявив, что не признает власти узурпатора и что решение пусть и жалкого подобия справедливого и свободного суда, но все-таки наследника и продукта тех ошметков демократии, которые у них еще остались, для него стократ важнее любых милостей того, кого он презирает как тирана и душителя свободы. Тем не менее в тюрьму деда не посадили. И конфискацию имущества тоже отменили (благодаря чему детство Ирайра прошло в доме, в котором появилось на свет и выросло несколько поколений его семьи). Дед, гордо поблагодарив судей за то, что оставили принадлежавшее ему по праву, объявил, что, склоняясь перед волей суда и отвергая милость узурпатора, удаляется в добровольное заточение. И с тех пор ни разу не покинул стен этого дома...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.